

В. Осеева

Отцовская
куртка

Детгиз 1946

В. ОСЕЕВА

0-726

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

РАССКАЗЫ

Рисунки А. Брея

Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1946 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Напишите, понравилась ли вам эта книга.
Письма пишите по адресу: Москва, Малый
Черкасский пер., д. 1, Детгиз.*

4235

1957-58 г.

ОТЦОВСКАЯ КУРТКА

Куртка была черная бархатная, карманы ее топорщились, в глубоком мягком рубчике отливали серебром круглые пуговицы. Сидела она на отцовских плечах крепко, туго обхватывая широкую грудь.

— Папаня, а папаня! Отдай мне эту куртку. Ты, гляди, уже старый для нее, — с завистью говорил Ленька, обдергивая свой коротенький пиджачок и приглаживая вихрастую голову.

— Я стар, а ты больно молод, — отшучивался отец.

Ленька, и правда, был еще молод. Он учился в четвертом классе, но в семье был старшим. Кроме

того, с ним водился соседский Генька. А Генька уже год назад кончил семь классов школы и теперь работал на селе в пожарной команде. Работа его заключалась в том, что, развалясь на нарах в дежурке, он лениво справлялся у каждого входившего, нет ли где пожара. Пожаров в селе не было, зачастую даже дым не поднимался из труб — люди спешили с уборкой урожая. Армии нужен был хлеб. Ленькин отец возвращался домой поздно, при свете фонаря долго возился во дворе и, озабоченно поглядывая на сына, говорил:

— Ты, брат, гляди, приучайся к делу. Я не сегодня — завтра на фронт уйду. Большаком в семье останешься!

— Большаком! — усмехался Ленька. — Стану я еще связываться! Одного Николку по затылку стукнешь, и то к матери побежит жаловаться.

— А ты не стучай. Большак — это делу голова, а не рукам воля! Много я тебя по затылку стучал?

* * *

В день проводов отца в избе шла кутерьма. Мать, как потерянная, хваталась то за одно, то за другое, стряпала, пекла, наспех укладывала в сундучок какие-то вещи. Отец вынимал их и отдавал ей обратно:

— Убери. Не в гости еду.

Увидев в руках матери бархатную куртку, он посмотрел на Леньку, усмехнулся и ласково сказал:

— Носи, большак!

Ленька вспыхнул и застеснялся.

— Да куда она ему! — всплеснула руками мать. — Не дорос ведь!

— Дорастет, — уверенно сказал отец и погладил мать по плечу. — Помощником тебе будет!

Уложив сундучок, отец обвел взглядом просторную избу, присел на край скамьи и сказал:

— По русскому обычаю, посидим перед дорогой.

Мать поспешно усадила детей и села с ними рядом, придерживая рукой болтающиеся ножки трехлетней Нюрки. Все притихли. Ленька посмотрел на отца, и горло у него сжалось.

«Как же мы одни будем?» подумал он, поняв вдруг, что отец действительно уезжает далеко и надолго.

* * *

Прощались у околицы. Отец спустил с рук Нюрку и троекратно поцеловался с матерью.

— Прости, коль сгоряча обидел когда...

Низко, без слез, поклонилась ему мать:

— За все, что прожито, за все, что нажито, спасибо тебе, Павел Степанович!

Женщины подхватили ее под руки, и Ленька вдруг услышал тонкий плач с разноголосыми причитаниями.

Лицо у отца дрогнуло. Он махнул рукой, вынул туго сложенный платок, обтер им лоб, щеки и подозвал Леньку:

— До Веселовки проводишь меня.

Шли молча.

Ленька, в наброшенной на плечи отцовской куртке, размахивая длинными рукавами, то и дело поворачивал тонкую шею, чтоб взглянуть на отца. Но отец о чем-то думал и время от времени тяжело вздыхал.

— Ты вот что... пять человек вас у матери... — Он замолчал, не находя простых и нужных слов, которые ему хотелось сказать сыну.

— Ты просись к пулемету, чуть что — сотню немцев уложишь, — озабоченно сказал вдруг Ленька.

— Там знают куда... — рассеянно ответил отец.

Ленька испуганно посмотрел на его круглое доброе лицо.

— А ежели в штыковой пойдешь... — шопотом сказал он и замер, глядя широко раскрытыми глазами в лицо отца.

— Ну-ну, — ласково усмехнулся тот.

Ленька бросился к нему на шею:

— Папка, вернись! Живым вернись!

Теплыми ладонями отец оторвал от своей груди голову сына и заглянул в его глаза:

— Мать береги.

Мелкие капли дождя сеялись на размытую лесную дорогу. По краям топорщились голые осенние кусты. В мутных лужах мокли опавшие листья.

Отец крепко держал за руку сына.

— Солому внесите, а то дожди намочат... Дров заготовьте на зиму...

Отец останавливался, крепче сжимая маленькую жесткую руку.

— Слышь, Ленька!

— Слышу, папая!

* * *

Жизнь пошла по-новому. Один человек ушел из семьи, а изба осиротела. За столом пустовало место, не вздрагивали половицы от тяжелых отцовских шагов, на дворе не слышался голос хозяина. Мать постарела, осунулась, сняла с окон нарядные занавески, убрала со стола скатерть. Думая об отце, она устало покрикивала на младших детей или, сидя на лавке и покачиваясь из стороны в сторону, тихонько причитала:

— Ушел мой голубчик, ушел мой милый... Ох, жила — не нажилась, глядела — не нагладелась...

Ленька подсаживался к ней, неумело утешал ее, обнимал за шею:

— Ну, ладно тебе... Говори, чего делать-то, а, мамка? Воды принести иль дров наколоть?

Отцовскую куртку Ленька носить не стал, а аккуратно сложил рукав к рукаву, отдал матери и сказал при этом так же, как отец:

— Убери. Не в гостях я.

Работы у него стало много. Утром, торопясь в школу, он окидывал хозяйским глазом двор.

«Солому внесите, а то дожди намочат», наказывал отец.

Солома все еще не была внесена. Скотина растаскивала ее по двору, втаптывала в грязь.

— Николка! — кричал Ленька младшему брату. — Переноси солому помаленьку — я приду, сам dokonчу!

Николка лениво почесывал затылок.

— Кому говорю?! — кричал Ленька, хлопая калиткой.

В школе он слушал невнимательно, нетерпеливо ждал конца урока; по стеклам барабанил дождь, в хозяйственных заботах расплывались мысли.

«Поглядеть бы, на чердак слазить, не протекает ли крыша где...»

Татьяна Петровна вызывала его к доске. Ленька тер лоб и не мог вспомнить заданного урока.

— Не выучил? — мягко спрашивала учительница.

— Учил, — отвечал он грустно, — да перезабыл, видно.

После школы до самого вечера Ленька возился во дворе: таскал солому, лазил на чердак, с грохотом сбрасывал оттуда доски и, вооружившись топором, полез на крышу сарая. На шум из избы выбежала мать.

— Батюшки мои! Никак, сарай разгораживает! Да ты что делаешь? Кто за тобой чинить будет?

— Сам почию! Перепрели ведь доски-то... Новые ставить надо, — пробурчал Ленька.

— Слезай, тебе говорю! Одних штанов передрежь бог весть сколько!

Ленька обиженно швырнул на землю топор, сложил доски и ушел в избу.

— На отца, небось, не кричала бы...

И тихо огрызался, когда мать выговаривала ему, что он берется не за свое дело, а вот забить в сарае дырку, чтоб не выскакивал оттуда поросенок, — это его допроситься нельзя.

— Все только о поросенке думаешь, а что двор разваливается, так ничего?

Учение шло плохо. Вечером, положив голову на раскрытую книгу, усталый от хозяйских забот, Ленька крепко засыпал, и снился ему обновленный двор с новыми крашеными воротами, где он, большак Ленька, встречает вернувшегося отца. А в школе, держа перед собой его тетрадку, Татьяна Петровна хмурила густые темные брови и, пытливо глядя ему в глаза, говорила:

— Ленишься ты, что ли? Не стыдно тебе, Леня?

* * *

Захрустела на зубах сладкая, подмороженная рябина. Застыла обледенелая земля, вытянулись и побелели голые кусты. Ночью выпал снег. Село стало ослепительно белым, праздничным. И у Леньки на душе был праздник. Он шел с почты, пряча за пазухой нераспечатанное письмо. Это было первое письмо от отца, и Ленька торопился домой, чтоб прочитать его вместе с матерью.

Из-за угла выскочил соседский Генька и, вытащив из-под полы что-то длинное, завернутое в мешок, таинственно сообщил:

— Ружье достал. Зайцев стрелять пойду.

— Зайцев? — Ленька усмехнулся. — Да их и нету нигде сейчас.

— Нету? — Генька нагнул голову и зашептал ему в ухо: — Куда ни повернись — зайцы!

— Да на что они тебе? — удивился Ленька.

— Как на что? Мясо есть будем, а из шкуры шапку сделаю!

— Шапку? — переспросил Ленька, припоминая, что отец тоже собирался пойти на зайцев, чтоб сделать ребятам шапки.

— Ну да, шапку! — обрадовался Генька. — Что ни заяц — то шапка! Пойдешь?

— Ну тебя, — засмеялся Ленька. — Что мне, делать, что ли, нечего? Вот от отца письмо пришло! — похвалился он, ощупывая конверт.

* * *

В письме отец обращался к Леньке, как к взрослому, называя его «большаком». Читая, Ленька кивал головой и вставлял от себя: «Ладно!»

Он гордился, что отец доверял ему и надеялся на него. Описание первых боев, в которых уже участвовал отец, наполняло Леньку гордостью.

«Будем бить до последнего солдата», писал отец.

«Точно», сжимая кулаки, отвечал ему Ленька.

Мать слушала письмо, собрав вокруг себя всех детей. В письме отец спрашивал про каждого, называя Нюрку Анной Павловной. Анне Павловне было три года. Она чмокала пухлыми губами, терлась об юбку матери и заглядывала ей в лицо. Двух девочек

двойняшек звали в семье общим именем Манька-Танька.

Беленькие курносенькие двойняшки всюду ходили, держась за руки, ели из одной миски, тихо играли за широкой кроватью, шепотком о чем-то советуясь друг с другом. Плакали они и смеялись тоже вместе. Стоило одной засопеть носом и всхлипнуть, как другая широко раскрывала глаза и раздражалась громким плачем.

Глядя друг на дружку, они могли часами быть на всю избу. И теперь, не сводя глаз с матери, они как будто только и ждали знака, чтоб присоединить к ее слезам свой дружный рев. Восьмилетний Николка, старший после Леньки, услышал свое имя и вспыхнул до корней волос. Он ежился от смущения и виновато косил по сторонам голубыми глазами.

— Разрюмился, — презрительно бросил ему Ленька. — Только и умеешь, что хныкать.

Он был недоволен, что Николка мало помогает ему в хозяйстве и лениво выполняет его приказания. Слушая письмо, мать всплакнула, а двойняшки залились громким плачем. Чтение было прервано; Ленька схватил обеих сестер, посадил их на колени и, топая ногами, загудел на всю избу:

— Ду-ду-ду! Поезд идет!

Двойняшки, подпрыгивая, стучались лбами. Плакать им было некогда. Подкинув их несколько раз, Ленька поставил обеих на пол и снова принялся за чтение письма. После этого он долго ходил по избе, обдумывая все свои дела и чувствуя необходимость

сейчас же, немедленно проявить себя большаком и хозяином.

— Что ты, как маятник, прости господи! — сердилась мать.

— «Маятник, маятник!..» — ворчал Ленька, выволакивая из-под лавки старый ящик с пыльными прошлогодними валенками. — Зима на дворе, вот что!

— Сама знаю, что зима, — вздыхала мать, перебирая вместе с Ленькой смятую старую обувь. — Давно ли отец покупал? Не напасешься на вас!

Ленька вытащил дратву и неумелыми руками пытался чинить перепрелый войлок.

— Шапки у Николки нету... Прошлогодняя изнасилась совсем. В чем ходить будет? — задумывалась мать.

— Найдем! — хмурился Ленька и, забравшись на печь, долго сидел, обхватив руками острые колени.

«Что ни заяц, то шапка», вспоминались ему Генькины слова.

«Пойти надо», решил он, прикрывая ладонью тяжелые веки.

* * *

На последнем уроке Татьяна Петровна подошла к Лене и сказала:

— После обеда зайди ко мне домой.

Итти Леньке не хотелось. Еще на той неделе он с большим трудом выволок из-под навеса старую телегу, чтоб обязательно починить ее к весне. А сделал он это потому, что в своем письме отец писал:

«Кончится война... Вернутся домой люди. Сядем мы с тобой, Ленька, на телегу, широко распахнем ворота и выедем в поле!»

«Выедешь, как же...» озабоченно подумал Ленька и побежал смотреть на телегу. И теперь уже несколько дней она стояла посреди двора, припав к земле передней осью. Рядом валялись колеса с поломанными спицами, и мать, натываясь на брошенную не у места телегу, сердилась на Леньку.

— Бессовестный! Ни скотине, ни людям пройти нельзя! На безделье дела себе ищет. Никакого покоя нет от тебя!

Ленька молчал и не сдавался. Ходил советоваться к кузнецу, лазил с топором и гвоздями, засорял двор стружками. Отрываться сегодня от работы ему не хотелось, да и боялся он идти к Татьяне Петровне, так как сам знал, что с учебой у него неладно. Но делать было нечего.

И теперь, сидя в комнате учительницы, на знакомом низеньком диванчике, Ленька испытывал томительное беспокойство. Школьные тетради, лежащие горкой на столе, вызывали в нем ноющую тоску. Увидев себя в круглом стенном зеркале, он испугался, поплевал на ладонь, пригладил вихрастые волосы, обдернул курточку и, повернув голову, стал прислушиваться к голосу Татьяны Петровны, которая разговаривала в кухне со своей матерью.

Голос был живой, ласковый, и приветствие, которым встретила Леньку учительница, тоже не предвещало ничего неприятного. Она сказала:

— Здравствуй, Леня. Посиди минуточку.

И все-таки беспокойство разъедало Леньку — он чувствовал себя неуверенно и, держа между колен шапку, тяжело вздыхал.

В прошлом году в этой самой комнате они с отцом пили чай. Отец осторожно ставил на блюдце чашку и, когда Татьяна Петровна хвалила Леньку, напускал на себя строгость, а Леньке было отчего-то смешно, он смотрел на угол с зеленой лесенкой, заставленной цветочными горшками, и думал, что было бы, если бы он, Ленька, вдруг остуился и сшиб все эти горшки на пол или поскользнулся бы на блестящем крашеном полу и сел мимо стула.

Теперь Ленька ни о чем не думал, он сидел один и даже радовался, что отца с ним нет, так как хвалить его было не за что.

Татьяна Петровна вытерла полотенцем мокрые руки, присела на диванчик и ласково сказала:

— Ну, теперь рассказывай, как вы там живете. Как без отца справляетесь?

Лицо у нее было спокойное, с круглой ямочкой на щеке; когда учительница сердилась, эта ямочка исчезала, лицо делалось нетерпеливым, голос — отрывистым.

Ребята верили, что правду она узнает по глазам, и врать ей побаивались. Если кто-нибудь начинал уклоняться и путать, Татьяна Петровна возмущалась:

— Ну, ну дальше? А дальше что? — гневно спрашивала она.

А дальше оставалось только одно — говорить правду.

Ленька хорошо знал это и, чувствуя себя виноватым, оправдываться не собирался. Но вопрос, который задала ему учительница, ободрил его. Он посмотрел на спокойную глубокую ямочку на щеке Татьяны Петровны и, увлекаясь, начал рассказывать о письме отца, о своих домашних делах.

Раз или два Татьяна Петровна громко засмеялась, потом чему-то удивилась и перебила его:

— Постой, постой... Я чего-то не поняла. Так ты чинишь телегу? Какую телегу?

— Старую...

— Старую? — Татьяна Петровна сморщила лоб. — А мать не хочет? Почему не хочет?

Ленька покраснел, дернул носом.

— А кто ее знает...

Татьяна Петровна вдруг очень серьезно и неожиданно сказала:

— Это все хорошо. Заботиться о хозяйстве нужно...

Она взяла Ленькину руку с черными поломанными ногтями.

— Ногти чистить тоже нужно. А нужнее всего, Леня, не запускать учебу. Учиться...

Ленька поспешно спрятал руки, растерянно поглядел на горку школьных тетрадей и, опустив голову, зажмурился.

Но учительница не встала, не подошла к злополучным тетрадям, не вытащила из кучи одну из них

с надписью «Леонид Чистяков». Она говорила совсем не так, как он предполагал. Не бранила его, не сердилась, говорила спокойно. Она надеялась, что Леня ее поймет.

— Один урок плохо сделан, другой... Вот и накопилось... Что-то прослушал, что-то не дослушал, а подогнать трудно и самому неприятно... А когда каждый день понемножку, петелька за петельку цепляется... — мягко говорила она. — Я, Леня, по себе знаю...

4235 Леняка кряхтел, соглашался. Говорить ему было нечего. У него уже накопилось много запущенных уроков. Правда. И на душе от этого тягостно и подогнать трудно. Все правда.

— Я налажусь, Татьяна Петровна! Честное пионерское, налажусь! — горячо сказал он и тут же начал припоминать все, что забыл или просто не выучил.

Потом пили чай в маленькой теплой кухоньке. В окна бился снежный ветер. Пузатенький говорливый самоварчик дышал в лицо теплым паром. Мать Татьяны Петровны называла Леньку «внучком» и советовалась с ним о хозяйских делах. Он уверял ее, что ему два-три кубометра дров ничего не стоит переколоть — в один день.

Татьяна Петровна смеялась.

* * *

Вечером Леняка вытащил все свои книжки, разложил их перед собой, и долго видела Пелагея, как

торчала над столом его вихрастая голова. Спать он лег веселый: не так уж были страшны те долги, что накопились у него за это время.

А утром кто-то тихонько постучал в окно.

Ленька увидел широкий Генькин нос, приплюснутый к стеклу, и выскочил на крыльцо.

— Следы на опушке! — с таинственным видом зашептал Генька.

Ленька кивнул головой и побежал одеваться.

* * *

Резкий ветер продирался сквозь лес, колючей снежной крупой хлестал молодой ельник и со свистом мчался по полю, обнажая на болотах серую корку льда.

Генька в ушанке, высоких сапогах и тулупе, туго подвязанном ремешком, согнувшись шагал по полю, держа подмышкой ружье. Глаза его обшаривали каждый кустик. Ленька с трудом пробирался за ним. В худые валенки набился снег. Ветер трепал отцовский шарф на Ленькиной шее.

— Есть? — нетерпеливым шопотом спрашивал он товарища.

— За болотом они, видно, за кочками, — отвечал Генька, выпрямляясь и прибавляя шаг.

Ленька в школу не пошел. Он решил прямо с охоты, с убитыми зайцами за поясом, притти к Татьяне Петровне и объяснить, почему не был на уроках.

Светало, когда они с Генькой вышли из своих дворов, и синеватый белый день давно уже клубился

над селом, а приятели все еще в напрасных поисках кружили по полю. Морщась от резкого ветра и закрывая варежкой лицо, Ленька тяжело плелся за товарищем. Между кочками, покрытыми прошлогодним репьем, под тонким ледком стояла мутная вода. Из-под Генькиных сапог она вместе со стеклышками льда выплывала наверх. Ленька, прыгая с кочки на кочку, оступился и попал ногой в Генькин след. Острая ледяная струя охватила пальцы, в коленках заломило. Ленька вытащил из валенка ногу, стянул мокрый носок и безнадежно оглянулся: домой бы, на печку. Пальцы ныли от холода. Ленька беспокоился и думал: «Может, врет Генька!»

Но Генька не врал. Что-то грязно-белое вдруг пушистым комочком подпрыгнуло за кустом. Ленька увидел прямые острые уши и, забыв обо всем, схватил Геньку за руку. Генька с размаху плюхнулся прямо в болото. Заяц высоко подбросил ноги и мгновенно исчез. У Леньки зарябило в глазах.

- Стреляй, что ль! — с отчаянием крикнул он.
- В кого? — Генька с досадой плюнул в сторону.
- Ушел, проклятый...

* * *

Домой шли мимо школы. Ленька молчал и едва волочил ноги. Генька, несмотря на упущенного зайца, торжествовал:

— Говорил я тебе! Есть зайцы! Поймаем!

Времени у Геньки было достаточно. В пожарной попрежнему работы не было.

— Не сегодня — завтра! Все зайцы наши будут!

Кареглазый румяный парнишка с сумкой подмышкой вышел из школы и подбежал к Леньке.

— Тебя Татьяна Петровна спрашивала... Ты где был?

— Где был — там нету, — еле двигая синими губами, ответил Ленька. — На печи не сидел, небось...

Генька хвастливо повертел в воздухе ружьем.

Егорка свистнул, оттопырил нижнюю губу и покачал головой.

— Шатаетесь! — как бы с сожалением сказал он.

Ленька вскипел:

— Это ты, может, шатаешься! У меня семья на шее!

Егорка с любопытством взглянул на него.

— Обмерз ты... — вместо ответа сказал он и, повернувшись, зашагал в другую сторону.

На пороге своей избы Ленька лицом к лицу встретился с матерью.

— Батюшки! Побелел весь! Бродяга эдакий! Шарф на тебе колом стоит!

— Иди ты еще! — грубо ответил Ленька, отстраняя ее. — Отстань от меня!

В избе пахло свежеспеченным хлебом.

На горячей печке, укрывшись с головой тулупом, Ленька лежал и слушал, как мать горько жаловалась Николке:

— При отце все — дети. А без отца все — хозяева. На одно слово — два. На два — двадцать два!

Ноги саднило. Пальцы распухли и горели. Ленка вспомнил, как в прошлом году в метель и завируху отец ходил в соседнее село за валенками. Ждали его к вечеру, а вернулся он только под утро. Бросил на лавку мешок, долго стучал ногами, тер снегом отмороженные щеки.

— Заблудился... Метель закружила. Погляди там валенки, мать!

«Достал все-таки, — подумал Ленка. — Эх, убежал заяц! Неужели еще итти?» Голова тяжело опустилась на подушку. В сонных глазах потянулось длинное мерзлое поле... Страшно и зябко было вспоминать о нем.

* * *

На другой день Ленка встал рано и побежал в школу, чтобы еще до уроков встретить Татьяну Петровну и объяснить ей все. Он ждал ее и волновался. Но Татьяна Петровна пришла к самому звонку, и объяснение с ней вышло короткое и совсем не такое, как думал Ленка.

— Почему ты не был вчера в школе? — спросила учительница, останавливаясь у Ленкиной парты.

Ленка раскрыл рот, но говорить при ребятах ему не хотелось.

— Я потом... — прошептал он, глядя на Татьяну Петровну виноватым и умоляющим взглядом.

Ее лицо вдруг стало строже, темные полосы бровей сошлись у переносья, ямочка на щеке исчезла.

Тогда, испугавшись, Ленька тоскливо выдавил из себя случайно подвернувшиеся слова:

— Дельце тут одно было... для ребятешек...

— Заболел кто-нибудь? — участливо спросила Татьяна Петровна.

— Не заболел, а... — Ленька замялся. Потом, наспех припоминая, что хотел сказать учительнице с глазу на глаз, забормотал: — Не заболел, а погода... зима стоит...

Татьяна Петровна, вскинув брови, смотрела на него с удивлением. Ленька почувствовал ее недоверие и смутился окончательно.

— На болоте они... зайцы-то...

Кто-то громко фыркнул. Татьяна Петровна гневно обернулась к классу. Ребята обеими руками затыкали себе рты и беззвучно тряслись от хохота.

— Леня! — мягко сказала Татьяна Петровна. — Я не понимаю, что с тобой. Объясни мне толком.

Ленька стоял перед ней красный, бросая исподлобья злые, упрямые взгляды на ребят. Губы его были крепко сжаты, он молчал. Татьяна Петровна ждала. В классе наступила тишина. И вдруг поднялся Егорка. Его круглое лицо выражало и досаду и сочувствие к растерявшемуся товарищу.

— Скажи правду, и к стороне, — дружески кивнул он головой.

Ленька оторвался от парты.

— Я не вру! — крикнул он, тяжело дыша.

— Не врешь? — медленно переспросил Егорка. — А с пожарным Генькой где шатался?

Ленька побелел. Веснушки желтыми пятнами проступили на его щеках.

— А... ты вот что! «Шатался»! — крикнул он и рванулся к Егорке.

Татьяна Петровна положила руку на его плечо.

— Довольно! — сказала она.

Ленька испуганно посмотрел ей в глаза.

— Я до сих пор верила тебе, Леня. — Она сняла руку с его плеча и отошла.

Ленька в смятении хотел броситься за ней, остановить ее, но ноги его приросли к полу, и когда Татьяна Петровна была уже около стола, он с отчаянием крикнул:

— Я зайцев ходил стрелять!

Тишина в классе прорвалась взрывом дружного смеха. И, поняв, что произошло что-то нелепое и безнадежное, Ленька тяжело опустился на парту. Ему не хотелось больше оправдываться. Все равно ему никто не поверит. Он сидел, облокотившись на спинку парты, мокал в чернильницу промокашку и мазал чернилами ногти. Ребята фыркали, переглядывались. Но Татьяна Петровна не замечала Ленки и не интересовалась его поведением. Она объясняла урок обычным ровным, спокойным голосом.

* * *

Вечером к матери забежала соседка Паша.

— Хоть обижайся, хоть не обижайся, а прямо тебе скажу, Поля: распустился твой парень, дальше ехать некуда, — тараторила она, дергая на шее

концы платка. — Нынче мой из школы пришел, рассказывал, как Ленька перед учительницей осрамился!

— Батюшки! — испугалась Пелагея и, опустив голову на руки, заплакала.

— Одна я, одна... И помочь-то мне некому...

— Некому, некому! — торопливо подтвердила Паша. — Не помощник тебе твой парень, прямо скажу.

Мать, глядя перед собой усталыми, заплаканными глазами, тихо жаловалась:

— Что день, что ночь — болит душа...

— Болит, болит, — точно обрадовалась Паша. — И за самого болит и за мальчишку болит...

Плач матери Ленька услышал еще в сенях и, не отряхивая с валенок снега, ввалился в избу.

— Мам!..

Он вопросительно посмотрел на Пашу.

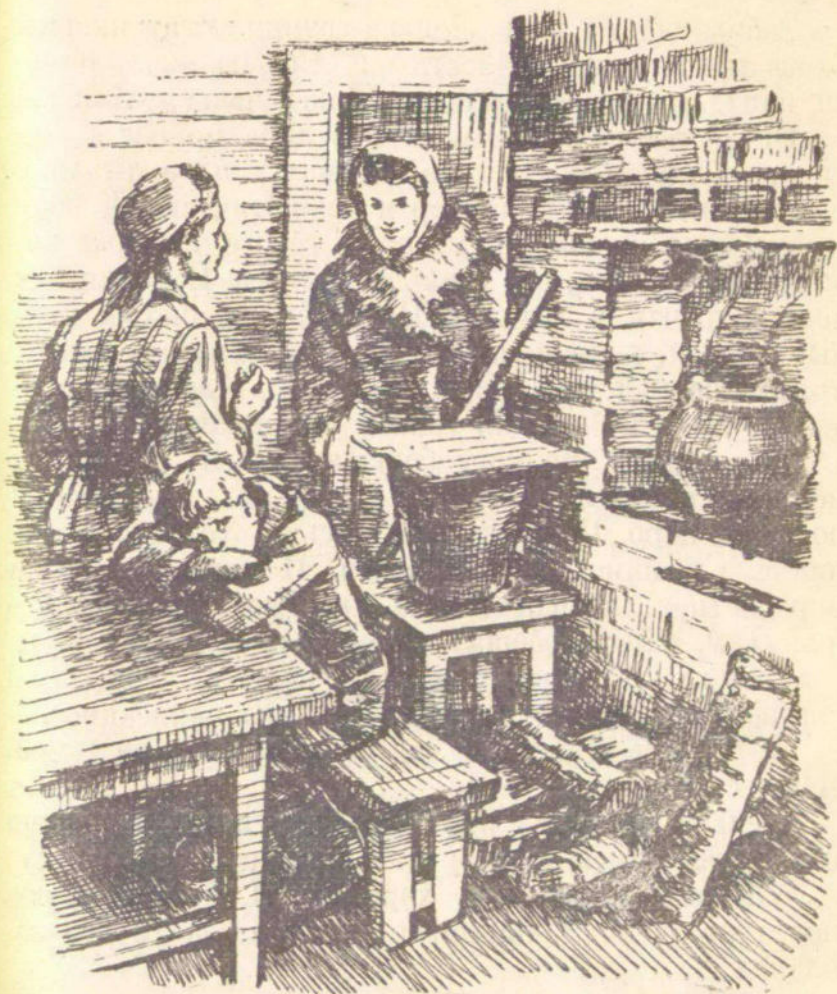
Она вытерла двумя пальцами губы.

— Себя спрашивай... — и, повернувшись, со вздохом вышла.

Ленька подошел к матери. Ему хотелось рассказать ей все, что произошло с ним в школе, пожаловаться на ребят, на Егорку, но она тихо плакала, отвернувшись от него; в Пашиных словах он чувствовал какое-то обвинение и не решался спросить. И только, охваченный жалостью, робко повторил:

— Мам... мам...

— Погоди... Найдется на тебя управа. Все отцу напишу, — неожиданно сказала мать.

Забившись на печь, Ленька сочинял отцу письмо. Слова подбирались жалостные: «Все на меня, папаня, нападают, а я старался, чтоб по-хорошему было...»

Он достал из тетради чистый лист, присел к столу и, опершись на локоть, слушал сонное дыхание матери, посапывание сестер и храп Николки. К ночи все события смешались у него в голове, он даже хорошо сам не знал, что с ним случилось. Вспоминался почему-то чай у Татьяны Петровны за чистым уютным столом, вспоминалось длинное мерзлое болото, прямые заячьи уши, а над всем этим — доброе озабоченное лицо и большая теплая отцовская рука.

«Я, папаня, не могу большаком быть. И ты на меня не надейся...» Ленька вытер ладонью глаза и положил перо. Получит отец письмо. Холодно в землянке. Страшно. Кругом враги. И письмо от сына нерадостное. Обещал Ленька быть большаком и обманул. Там, в лесу, обещал и обманул!

Ленька торопливо обмокнул перо в чернила и жирной чертой три раза перечеркнул написанное.

«Стараюсь я, папаня, как могу. Обо мне не думай. Я все стерплю...»

Ленька прочитал эти строчки, снова зачеркнул их, достал новый лист бумаги и написал по-другому:

«Живем, слава богу, хорошо». И, бросив ручку, полез на печь. Закрывшись рукавом, он горько заплакал.

— Некому и сказать-то о себе, пожаловаться некому...

Ленька не ходил в школу. С утра он брал свою сумку и бежал к Геньке. По дому он тоже ничего не стал делать, а когда мать уходила в колхоз, он слонялся из угла в угол, забавлялся с Нюркой. Пробовал от безделья учить двойняшек. Учеба эта кончалась визгом на всю избу.

— Ты Маня, а ты Таня — вот и нечего вам под одним именем ходить. Садись одна палочки писать, а другая картинку красить!

Двойняшки отчаянно цеплялись друг за дружку.

— Пускай вместе они! Пускай вместе! — заступался за них Николка.

— Уйди! Что, они всю жизнь за ручку ходить будут? Уйди, не мешай лучше!

Николка жаловался матери, и мать обрушивалась на Леньку.

— Всех ребят перемутил! Бессовестный этакий! Игру какую нашел себе!

Ленька уходил, обиженно хлопая дверью.

«Ладно! Отец сам меня над ними назначил! Приедет — все расскажу!»

Ладу в семье не было. Ленька все чаще и чаще загуливался до позднего вечера. Возвращаясь, он боязливо поглядывал на свой двор, опасаясь встречи с Татьяной Петровной.

Татьяна Петровна действительно пришла к Пелагее. Узнав от учительницы, что Ленька не ходит в школу, Пелагея растерялась от неожиданности, покраснела и, путаясь в ответах, выгораживала сына.

— Помогает он мне по дому... детишки малые... Не управляюсь я одна с ними!

Учительница качала головой.

— Неправа ты, Пелагея. У всех детишки... а учатся все.

После ухода учительницы мать плакала, упрекала Леньку, а он отмалчивался и горько думал о своей жизни: все напасти сразу свалились на него. Ничего поправить уже нельзя, везде ему стыдно и нехорошо, и сам он ходит обиженный и злой на всех. И ни с того ни с сего реветь ему хочется от такой жизни.

Так и сяк обдумывая свои дела, Ленька не видел другого выхода, как только явиться к Татьяне Петровне с убитыми зайцами и тем самым доказать ей, что не лгал он тогда в классе и не шатался зря. Этими же зайцами думал он наладить свои отношения с матерью и показать ей, что не пропащий он человек, а большак, хозяин — для семьи старается. Вместе с Генькой ходил он в лес ставить силки, лазил по сугробам, но зайцы не попадались.

— Под вечер ходить надо, — уверял Генька.

* * *

В воскресенье Пелагея собралась в лес за хворостом.

— Пойдем, Ленюшка, а то на гору не втащить мне одной.

— Николку бери, — ответил Ленька.

В этот день он снова сговорился с Генькой идти на зайцев. Генькино ружье было заряжено крупной

дробью, а заячьи следы, по словам Геньки, прошили весь лес.

— Куда ни ткнись — везде зайцы! Только сейчас и стрелять их!

Пелагея не взяла Николку. Он остался с младшими детьми — на Леньку мать уже не надеялась.

Повязав голову платком, она впряглась в длинные санки и вышла со двора.

Под вечер Ленька и Генька, измученные лазанием по глубоким сугробам, голодные и злые, возвращались домой. К ночи крепкий мороз туго стянул землю. Дорога шла в гору. Голубые, накатанные санями колеи круто поднимались вверх и исчезали в лесу.

Шли молча. Генька чувствовал себя виноватым, но не сдавался, вертел головой и про каждую ямку в снегу говорил:

— Заяц сидел... его след!

Вдруг Генька увидел большое дупло в старом дубе.

— Вот откуда выслеживать надо! — обрадовался он. — Пойдем?

И, не дожидаясь ответа, шагнул в сугроб. Ленька, набирая полные валенки снега, полез за ним. Дупло было просторное, стенки его обуглились и пропахли дымом. У самого входа был кем-то сложен валежник. Мальчики присели на него.

— Тут один от волков прятался. Всю ночь костер жег, — сообщил Генька.

— Врешь все, — недоверчиво усмехнулся Лень-

ка. — То зайцы, то волки... — Он вдруг прислушался. На дороге скрипел снег.

Генька выглянул и, легонько свистнув, попятился назад.

— Прячься! Прячься! Мать твоя идет!

Ленька посмотрел на дорогу. Натянув на груди веревки, Пелагея, нагнувшись всем телом вперед, медленно волокла в гору санки с хворостом. Ноги ее скользили, платок съехал с головы, и влажные волосы покрылись инеем. Она часто останавливалась, с трудом переводя дыхание.

Ленька невольно рванулся к ней, но Генька крепко вцепился в его рукав:

— Дурак! Тебя же ругать будет! Она, небось, злая сейчас. Они все такие, матери-то... Чуть что потруднее, так сейчас злые делаются... И на нас нападают... Моя тоже такая...

Ленька опустил голову и слушал удаляющийся скрип полозьев. Скрип был неровный, то затихающий, то резкий. Леньке казалось, что он слышит трудное дыхание матери. От волнения он и сам дышал глубоко и тяжело.

«Не довезет... Слабая она...» вертелось у него в голове. Но руки были опущены, онемевшие ноги не двигались.

И только когда фигура матери черной точкой исчезла в синих сумерках, он поднял голову и повернулся к Геньке.

— Пропади ты пропадом со всеми твоими зайцами! В последний раз я с тобой шатался!

Прошло несколько дней. Ленькино место в классе все еще пустовало. Это пустое место сразу бросалось в глаза Татьяне Петровне, когда она входила в класс. Ее сердило и тревожило отсутствие ученика. Она припоминала свой разговор с Ленькой дома, потом неприятное объяснение в классе. Одно как-то не вязалось с другим, и Татьяна Петровна, пожимая плечами, грустно говорила себе: «Не понимаю». Было очевидно, что Ленька не хочет и боится с ней встретиться.

Она пробовала узнать что-нибудь от ребят, но и они говорили разное:

— Матери помогает...

— С Генькой шатается...

Татьяна Петровна позвала к себе Егорку. Егорка ничего не знал. Он рассказал только про последнюю встречу с Ленькой, когда тот возвращался с неудачной охоты.

— И чего шатался? — простодушно сказал он. — Обмерз весь... Семья, говорит, большая. А сам с Генькой на зайцев ходит.

— На зайцев?

— Ну да! С ружьем ходит. Все ребята их видели!

Татьяна Петровна задумчиво посмотрела на Егорку.

— Мне все это узнать надо.

— Я к нему не пойду, — насупился Егорка. — Я тогда про него сказал, он на меня злится теперь.

Татьяна Петровна села на диванчик и вздохнула. Егорка тоже присел на кончик стула и поглядел на учительницу круглыми карими глазами.

— Ведь он не ходит в класс! — почти выкрикнула Татьяна Петровна. На щеках ее вспыхнули красные пятна.

Егорка вскочил. За эти пятна на щеках учительницы он решил хорошенько поквитаться с Ленькой.

«Вот я ему дам по шее», подумал он про себя.

— Да вы не беспокойтесь, Татьяна Петровна! Не беспокойтесь...

Татьяна Петровна рассердилась:

— Что ты мне твердишь все: «Не беспокойтесь»! Я тебе говорю, что в классе, там, где сидел твой товарищ, пустое место! А ты мне повторяешь: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь»!

Егорка раскрыл рот, но Татьяна Петровна продолжала:

— А если у тебя в семье за столом нет сестренки или братишки, который должен сидеть тут рядом с тобой, то ты не беспокоишься?

— Так ведь он жив... — робко начал Егорка. — И не болеет, слышно...

— «Слышно»! — рассердилась Татьяна Петровна. — А что еще тебе слышно?

Егорка потупился.

— Я с ним не дружу, — сказал он.

— Не дружишь? — протянула Татьяна Петровна. — Тогда конечно... Тебе безразлично... Пускай болеет, пускай умирает, пускай неучем остается...

Егорка молчал.

— Ведь четыре года вы в одной школе вместе сидели. Что же, это, по-твоему, ничего не значит? Научу я вас когда-нибудь быть людьми?

Егорка потянул к себе шапку.

— Ребят с собой возьми! Помогите там по хозяйству — может, не справляется он один... Да не говори, что я послала тебя, — провожая его, сказала Татьяна Петровна.

* * *

Ленька похудел. На щеках его обозначились скулы, подбородок заострился. Когда, втянув голову в плечи, он проходил по двору или, подперевшись руками, сидел за столом, Николка спрашивал у матери: «Что это он тихий такой?»

После встречи с матерью в лесу Ленька перестал бегать из дому. Он вставал рано, гремел ведрами, наполнял водой кадку и следил за каждым шагом матери, внимательно примечая все, что она делает, и удивляясь тому, что никогда не замечал раньше, сколько у нее работы. Часто, когда мать клала руку на поясницу и с трудом разгибала спину, он подбегал к ней и испуганно говорил:

— Сядь! Сядь!

А она, вместо того чтобы жаловаться, растроганно отвечала:

— Да не устала я, милоч... Ни чуточки не устала...

И гладила Леньку по щеке жесткой от работы ладонью.

По ночам мать тяжело вздыхала. Ей не давало покоя, что Ленька отбился от школы. Она пробовала заговаривать об этом, но Ленька молчал, съеживался и озлоблялся. Тогда мать пыталась хитрить с ним и иногда утром, искоса поглядывая на сына, говорила:

— Батюшки! Время-то, время-то бежит! Девятый час, поди... — и клала перед ним сумку с книгами.

Ленька подходил к окну и, забывшись, смотрел на улицу. Из всех дворов выбегали школьники. Ленька барабанил по стеклу пальцами, хмурился, о чем-то думал про себя, но в школу не шел.

— Сынок! — окликала его мать.

Ленька вздрагивал, как человек, застигнутый врасплох.

— Сходил бы ты к Татьяне Петровне, сынок. Повинился бы ей по-хорошему.

— Не в чем мне виниться, — сурово отвечал Ленька и, чтоб прекратить разговор, выходил из избы.

* * *

«Выгонит он меня», тревожно думал Егорка, шагая по улице с соседскими ребятами Степой и Митрошей.

Митроша был рослый и крепкий, он славился своей силой, а Степа — тонкий и длинный. Они были неразлучными друзьями: всегда и всюду бывали вместе. И оба никогда не отказывались помочь красноармейским семьям.

Ленька был дома. Он сидел за столом, а мать стояла у печи и, глядя на огонь, вспоминала последнее письмо отца. Было оно писано чужой рукой и послано из какого-то госпиталя. Отец ни на что не жаловался и только короткой припиской сообщал, что малость вышел из строя и лежит в госпитале.

Дверь с шумом хлопнула, и в избу ввалилось трое ребят. Ленька поднял голову и увидел Егорку.

Егорка снял шапку и оглянулся по сторонам.

— Мы к тебе, тетя Поля! — улыбаясь, сказал он и поправил за поясом топор. — Вишь, ребята по работе соскучились! Не помочь ли чего по мелочи? Здорово, хозяин! — кивнул он растерявшемуся Леньке.

Пелагея поставила ухват и заволновалась.

— Ишь ты... Скажи, пожалуйста... Да кто же это вас прислал-то?

— Мы сами по себе! — весело сказал Егорка.

— Сами сознательные! — буркнул от двери Митроша, подпирая головой притолоку.

Тонконосый длинный Степа вытащил записную книжку и важно сказал:

— Ну, в чем тут нужда? Говори, тетя Поля! Я заявление могу от тебя написать! И сам в район его отнесу!

— Что ты, что ты! — замахала руками Пелагея. — Зачем людей зря тревожить? Время военное. Не мы одни!

Митроша потянулся и потер варежкой нос.

— К делу! Спрашивай, Егорка!

— Чего спрашивать? Сперва снег с крыши скинем, да сарай посмотреть надо!

Егорка хлопнул по плечу Леньку и дружески подмигнул ему.

— Пошли во двор! Лопаты давай!

— Вот, вот, — заторопилась Пелагея, — сарайчик, сарайчик надо бы...

Ленька бросил на мать сердитый взгляд, надел тулуп и вышел из избы. Сердце его кипело обидой — на мать, на ребят, на Егорку. Больше всего на Егорку, державшего себя как ни в чем не бывало. Он не знал, что Егорка, выполняя мудреное задание Татьяны Петровны, чувствует себя неуверенно и старательно прячет эту неуверенность. Оба исподтишка следили друг за другом. Ленька с ненавистью смотрел, как Егорка, весело насвистывая, подошел к сарайчику, вытащил старые тряпки, которыми Пелагея затыкала большую дыру в стене, шлепнул по носу выглянувшего оттуда поросенка и сказал:

— Хрюшка-то у вас, небось, по всему двору бегает?

— Выскакивает, выскакивает, — подтвердила Пелагея.

Егорка вытащил из сарая доску, повертел ее в руках, примерил и стал обтесывать.

— Гвозди есть?

Ленька пошел в кладовку. Железная крыша трещала под Митрошиными сапогами, по двору сновала

длинная фигура Степы, от сарайчика доносились веселое посвистывание и стук топора. Сердце у Леньки сжималось от стыда и обиды, что на его дворе хозяйничают непрощенные гости, тогда как ему, Леньке, ничего бы не стоило сделать все это самому. Он долго копался в ящике с гвоздями и горько повторял:

— Приедет отец — все расскажу!

Митроша вытащил из-под снега промерзшие бревна.

— На починку они тебе не пойдут, — постукав топором по гнилому стволу, сказал он Леньке. — Давай матери на дрова изрубим!

Стиснув зубы, Ленька всердцах схватил топор и всадил его в бревно. Митроша молча вытащил топор и бросил его на крыльцо.

— Пилу давай.

Окончив работу, мальчики долго топтались на дворе, отряхивая с валенок и полушубков снег.

— Да, тяжело тебе... Такая семья не шутка, — протянул Егорка, поглядывая на Леньку.

В горле у Леньки заклокотало от злости, и, захлебываясь словами, он хрипло забормotal:

— Моя семья! И никому до нее дела нет! Я большак! Отец меня сам назначил! Сам я и справлюсь здесь!

Он задохнулся и обвел взглядом ребят.

— Справишься так справишься! — безразлично сказал Митроша, хлопая мокрыми варежками. — Пошли, что ли!

Степа косо поглядел на Леньку, обидчиво дернул носом, спрятал в карман записную книжку и шагнул за Митрошей.

— А за помощь... спасибо! — бросил им вслед Ленька.

Егорка облокотился на перила крыльца.

— Ступайте! Я приду потом, — кивнул он ребятам.

Ленька вызывающе посмотрел на него.

— Это ты правильно сделал, — сказал вдруг Егорка.

— Чего? — удивился Ленька.

— Я и сам не люблю, когда мне помогают, — не отвечая на его вопрос, задумчиво сказал Егорка. Он прищурился и помотал головой. — Смерть не люблю!

— А ко мне пришел? — с упреком спросил Ленька.

— Я пришел... — замялся Егорка и посмотрел на Леньку. — Ты вот все... на охоту ходишь.

— На охоту? — переспросил Ленька и, засунув руки в карманы, поглядел на товарища сверху вниз. — На зайцев хожу! А тебе что?

«Увязаться за мной хочет!» подумал он про себя.

— А не ловятся зайцы-то? — тихо и неуверенно спросил Егорка, чувствуя, что не с того начал и не так ведет разговор, как нужно.

— Ничего! — хвастливо сказал Ленька и, увлекшись, начал рассказывать о своих похождениях. Рас-

сказал и про заячьи уши, которые он чуть руками не схватил, и про силки с зайцами.

Егорка слушал его с улыбкой, щурясь на белый снег; он думал о Татьяне Петровне.

«Что ей скажешь? Зря ведь шатается...» Ему стало жалко Леньку.

Он прервал его на середине рассказа и нетерпеливо спросил:

— Да на что тебе зайцы-то? На что?

— Как на что? — опешил Ленька. — Ведь семья у меня! Что ни заяц — то шапка! Я в тот раз ноги отморозил — думал, пропаду вовсе, — неожиданно для себя пожаловался он. — Болото... Ветер в ушах свистит... — Он поежился. — Вот так-то и отец бывало...

Егорка вспомнил, как встретил у ворот школы посиневшего, промерзшего Леньку. Он заволновался.

— Брось ты это... зайцев своих! Не доведут они до добра! Ведь ты в школу не ходишь!

— А я в школу и не пойду, — твердо сказал Ленька.

— Почему? — удивился Егорка.

— Из-за тебя не пойду, из-за ребят не пойду, из-за Татьяны Петровны не пойду! — неожиданно со злостью выпалил Ленька.

Егорка смотрел на него испуганными глазами.

— Татьяна Петровна не верит мне... Думает — гуляю, шатаюсь... — Голос у Леньки дрогнул. — Никто жизни моей не знает!

Егорка схватил товарища за рукав и, забыв предупреждение учительницы, быстро заговорил:

— Татьяна Петровна сама меня послала... Жалеет она тебя, беспокоится... Я ведь не сам пришел...

Ленька выдернул свой рукав и отвернулся.

Егорка тронул его за плечо.

— Ты на меня не сердись... Я ведь тогда в классе по дружбе...

Ленька молчал, сглатывая слезы.

* * *

Егорка пришел к Татьяне Петровне взволнованный. Из его сбивчивого рассказа выходило так, что не ходит Ленька в школу не потому, что заленился, а потому, что она, Татьяна Петровна, не верит ему больше. А на зайцев ходил он потому, что ребятам нужны шапки. А зайцы все равно не словились, и только намучился с ними Ленька.

— Сказал: «Не пойду в школу»... А сам заплакал.

Егорка замолчал и добавил с тяжелым вздохом:

— Никто жизни его не знает...

Татьяна Петровна посмотрела на его доброе огорченное лицо и встала.

— Ну иди! Спасибо тебе.

Егорка широко раскрыл глаза и не двинулся с места.

— Как же... с Ленькой-то?

Он хотел еще что-то сказать, но Татьяна Петровна замахала руками:

— Иди, иди!

Он хмуро и укоризненно посмотрел на нее: «Четыре года учила его... А случись что-нибудь...» И вышел с тяжелым чувством обиды за товарища. «Ничего, Ленька, сами обдумаем!»

Татьяна Петровна надела шубку, схватила платок и остановилась.

«Я до сих пор верила тебе, Леня», вдруг отчетливо вспомнила она свои слова. И перед ней сразу встало испуганное, умоляющее лицо Леньки, вспомнился его отчаянный крик, который вызвал смех всего класса: «Я зайцев ходил стрелять!»

Он испугался, что она не верит ему больше...

Татьяна Петровна вдруг поняла: «Я не осталась с ним, не узнала, не расспросила... Я ничего не сделала!»

Завязывая на ходу платок, Татьяна Петровна почти бежала по длинной деревенской улице.

А в избе шло тяжелое объяснение.

Расстроенный, распухший от слез, Ленька надрывно кричал матери:

— Я бы сам тебе починил! Я не отказывался! Я вон в школу из-за вас не хожу!

Татьяна Петровна остановилась в сенях и прислушалась.

— Из-за вас! Из-за вас! Все ноги себе отморозил! Вруном перед Татьяной Петровной сделался... А она тоже на меня сердится... Если бы пришел к ней с зайцами, может поверила бы...

Татьяна Петровна отворила дверь. Ленька, уро-

нив голову на край стола, плакал громко и жалобно. Пелагея, опустив руки, стояла над ним, молчаливая и испуганная. Татьяна Петровна бросилась к Леньке.

— Тихе... тихе... Я не сержусь. Я верю тебе...

Ленька поднял мокрое от слез лицо, он силился что-то сказать, но неожиданный визг заглушил его слова.

Уткнувшись друг дружке в плечо пушистыми головами, двойняшки залились звонким плачем.

— Что это? — испуганно спросила Татьяна Петровна.

— Это... Манька-Танька, — засмеялся Ленька, вытирая пальцами не просохшие от слез щеки.

* * *

Майское солнце заливало Ленькину избу. Оно пробивалось во все щели, золотым ручейком струилось по крашеному полу, зайчиком пробегало по светлым волосам двойняшек и гладило горькие морщины матери. Вестей от отца не было. Последнее Ленькино письмо, посланное в госпиталь, пришло обратно с короткой надписью: «Выбыл». Ленька не показал его матери. Вместе с Татьяной Петровной они написали запрос в полк.

Время шло. Немногое изменилось в Ленькиной жизни, но изменилось главное: ученье наладилось, и в семье наступил мир, и жизнь пошла ровнее. Только об отце вспоминать было больно, о нем старались говорить меньше.

Был первый день праздника. Накануне Целагее прислали из колхоза подарки для ребят. Двойняшки в одинаковых платяцах, как два розовых цветка, сидели на подоконнике, высовывая на улицу свои пушистые головки. Нюрка, поскрипывая новыми башмачками, бегала по избе; Николка, засучив рукава ковбойки, тер мылом красные уши. Ленька, с удовольствием поглядывая на принаряженных ребят, вместе с матерью рылся в сундуке — к его новым брюкам в полосочку не подходила старая, изношенная за зиму рубаха. Егорка, нарядный и радостный, вбежал в избу. На нем была зеленая гимнастерка, из кармана торчал карандаш, жесткий воротник провел под Егоркиным подбородком красную черту.

— В Веселовке кино нынче! Собирайся! Ребята ждут!

Ленька посмотрел на заштопанные рукава своей рубашки и замялся. Мать молча вынула из сундука отцовскую куртку и подала ее сыну. Ленька испугался, замотал головой. Ему вдруг показалось, что если он наденет отцовскую куртку, то это будет значить, что отца нет, он не вернется... Ленька уже никогда не увидит этой куртки на отцовских плечах... И, отстраняя ее обеими руками, он повторял:

— Убери... Убери! Пусть отцу будет!

— Что же хуже людей-то быть, — мягко сказала мать.

— Надевай! Надевай! — закричал Егорка.

Товарищи Егорки с шумом ввалились в избу.

— Пошли, что ли!

Ленька надел куртку. Рукава были длинные, плечи широки.

— Не по мне она...

— Рукава подвернуть можно. Потом ушью, — сказала мать и, порывшись в сундуке, вынула оттуда старый кошелек. Ее сухие пальцы долго перебирали что-то в кошельке, пока нащупали новенькую пятерку. — Возьми, сынок... Может, кваску там или пряничек себе купишь.

Ленька взял пятерку и, опустив глаза, вышел из избы. В деньгах давно была нужда, и от материнской ласки больно защемило сердце.

По дороге в Веселовку ребята разговаривали о военных событиях, рассказывали деревенские новости. Егорка всегда ободряюще действовал на Леньку, но сейчас он рассеянно слушал его. У леса они встретились со стариком Пахомычем, давним другом Ленькиного отца. Старик работал на пристани.

Он подошел к Леньке.

— Да... вырос... Вырос, парнишка, ты... Вот она и куртка отцова на тебе. — Он провел рукой по бархатному рукаву и покачал головой. — Вместе покупали. Да вот... не судьба...

Ленька съежился и, не зная, что сказать, молча переминался с ноги на ногу. Пахомыч вдруг спохватился.

— Да! Бишь, об чем это я? Как мать-то? Ребятишки, а? Небось, туго живете, а?

— Ничего. — протянул Ленька. — помалень-

ку. — И посмотрел вслед товарищам, которые ушли вперед.

— Помаленьку, помаленьку! — с живостью подхватил Пахомыч. — Что надо — ко мне приходи! Работенка всегда найдется!

— Учусь я...

— А ты по выходным! По выходным приходи! Сейчас сезон открывается. Первого парохода ждем. Большая погрузка будет. — Он потрепал Леньку по плечу. — Я тебя живо-два пристрою! Придешь?

— Приду! — обрадовался Ленька.

И, попрощавшись с Пахомычем, побежал догонять товарищей. Ребята ушли уже далеко. В лесу Ленька замедлил шаг и, размечтавшись, тихо брел, не замечая дороги.

«Каждый выходной работать буду! Мешки укладывать или таскать что... Всякая работа по мне», радовался он.

Из-за леса гулко и призывно донесся Егоркин голос:

— Э-эй! Ленька! Опоздаем!

«Ничего — поспею!» Он вспомнил старый пустой кошелек матери и полез в карман за пятеркой. «Эту тоже не потрачу... К своим приложу тогда... Чтоб ей больше было...»

Он представил себе, как выложит матери заработанные деньги, увидел ее удивленное лицо и громко засмеялся, но тут же притих. Этот смех словно резнул его по сердцу, и он тоскливо прошептал:

— Папаня!..

После праздника рано утром Ленька прибежал к Татьяне Петровне. В школу они шли вместе, и дорогой Ленька, захлебываясь, рассказывал ей о том, что Пахомыч обещал ему работу на пристани.

— Подожди! Подожди! Что это за Пахомыч такой? — озабоченно спрашивала Татьяна Петровна.

— Да Пахомыч! Старик вообще...

— Да откуда ты его знаешь, я тебя спрашиваю?

Узнав, что Пахомыч приятель Ленькиного отца, Татьяна Петровна не стала возражать.

Вечером Ленька подсел к матери.

— Я вот что. К Пахомычу пойду. Работать у него по выходным буду. Может, и на все лето возьмет он меня.

Мать заплакала. Ленька обнял ее за шею и сказал с суровой лаской:

— Ну, ну... Не реви... Я совсем тут, близко буду.

В первое же воскресенье он отправился на пристань и нарочно прошел мимо раскрытых окон Татьяны Петровны. Он чувствовал себя взрослым, рабочим человеком; на плечи была накинута отцовская куртка. Его провожал до околицы Николка.

— Ухожу, Татьяна Петровна! На работу! — крикнул он в раскрытое окошко учительницы.

Она выглянула, кивнула ему головой.

Ленька весело зашагал по дороге, наказывая провожавшему брату:

— Гляди тут без меня... Мать — она слабая!

* * *

Ленька уже два месяца работал на пристани. На его обязанности лежало записывать принятый с парохода груз. Работа была легкая, вместе с другими подростками Ленька успевал несколько раз в день выкупаться в реке, а от парохода до парохода помочь что-нибудь на ссыпном пункте. Он не брезгал никакой работой: чистил сарай, зашивал прорвавшиеся мешки, бегал за хлебом для грузчиков. Каждую субботу, чисто вымытый, с мокрым пробором на голове, Ленька облакался в бархатную куртку и отправлялся домой. Младшие дети выбегали к нему навстречу. Он оделял их черными медовыми пряниками, брал на руки Нюрку и, поминутно подгоняя отстающих двойняшек, шествовал по деревне, выпрашивая Николку обо всех новостях. В избе степенно здоровался с матерью и выкладывал на стол недельную получку.

Пелагея умилялась, долго держала на ладони деньги, не зная, куда их положить. И потом всю неделю, в ожидании сына, говорила соседкам:

— Мой-то... большак, каждую копеечку в дом несет!

* * *

Стоял жаркий июль. На пристани сновали люди, скрипели на воде привязанные лодки, гремели тяжелые, груженные солью вагонетки. Под навесом сидели на узлах пассажиры, топтались босоногие ребята. Ждали парохода.

Белоголовый, обветренный, вытянувшийся за лето Ленька стоял на пристани рядом с Пахомычем.

Издалека донесся протяжный гудок. В голубые облака поползли черные клубы дыма. Покачивая белыми, заново покрашенными боками, рассекая носом воду, показался пароход. Пассажиры заволновались. Матросы приготовили сходни. Пароход вплотную подошел к пристани. Тяжелые, намокшие кольца каната шлепнулись на чугунные стойки и тихо зашкрипели, натягиваясь между пристанью и пароходом. Глубокая темная щель с мутной водой медленно сокращалась. Пароход, дрогнув, остановился. На палубе засуетились люди. Матросы сбросили сходни.

— Поберегись! Поберегись!

Ленька стоял, опираясь грудью на мешки. Пассажиры толпой протискивались мимо него к выходу.

И вдруг губы у Леньки дрогнули, глаза уставились в одну точку; он бросился в толпу и застрял в ней, пробиваясь вперед головой и руками. Пахомыч схватил его за рубаху:

— Стой, стой! Ошалел, что ли?

— Папка! Папаня! — вынырнув из толпы, отчаянно крикнул Ленька.

Люди стиснулись, откачнулись к перилам и пропустили человека в шинели. Одна рука его протянулась вперед к Леньке, вместо другой повис пустой рукав. Обхватив отца за шею и не сводя глаз с этого пустого рукава, Ленька повторял, заикаясь и плача:

— Пришел, ты пришел... папаня мой!

Над лесной дорогой шумели старые дубы. В пышной зелени кустов пели птицы. Темные, согретые солнцем листья мягко задевали за плечи. В светлых лужах мокла изумрудная трава.

Сын крепко держал за руку отца и неумолчно, торопливо рассказывал ему о своей жизни. Голос его иногда падал до шопота и терялся в шуме ветра и птичьих голосов, иногда прорывался слезами, и, охваченный горечью воспоминаний, Ленька останавливался.

— Слышь, папка?

Отец крепко сжимал тонкую жесткую руку сына.

— Слышу, сынок...

Встречный ветер трепал полы серой шинели и срывал с Ленькиных плеч черную бархатную отцовскую куртку.

БАБКА

Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой, расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед глазами, как большая тень.

— Всю квартиру собой заполонила! — ворчал Борькин отец.

А мать робко возражала ему:

— Старый человек... Куда же ей деться?

— Зажилась на свете, — вздыхал отец. — В инвалидном доме ей место, вот где!

Все в доме, не исключая и Борьки, смотрели на бабушку, как на совершенно лишнего человека.

Бабка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь:

— Самовар поспел. Вставайте! Попейте горяченького-то на дорожку...

Подходила к Борьке:

— Вставай, батюшка мой, в школу пора!

— Зачем? — сонным голосом спрашивал Борька.

— В школу зачем? Темный человек глух и нем — вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло.

— Иди ты, бабка...

— Я-то пойду, да мне не к спеху, а вот тебе к спеху.

— Мама! — кричал Борька. — Чего она тут гудит над ухом, как шмель?

— Боря, вставай! — стучал в стенку отец. — А вы, мать, отойдите от него, не надоедайте с утра.

Но бабка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. Грузным телом колыхалась перед его кроватью, мягко шлепала туфлями по комнатам, гремела тазом и все что-то приговаривала.

В сенях отец шаркал веником.

— А куда вы, мать, калоши дели? Каждый раз во все углы тыкаешься из-за них!

Бабка торопилась к нему на помощь.

— Да вот они, Петруша, на самом виду. Вчерась уж очень грязны были, я их обмыла и поставила.

Отец хлопал дверью. За ним торопливо выбегал Борька. На лестнице бабка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман чистый носовой платок.

— Да ну тебя! — отмахивался Борька. — Раньше не могла дать! Опоздаю вот...

Потом уходила на работу мать. Она оставляла бабке продукты и уговаривала ее не тратить лишнего:

— Поэкономней, мама. Петя и так сердится. У него ведь четыре рта на шее.

— Чей род — того и рот, — вздыхала бабка.

— Да я не о вас говорю! — смягчалась дочь. — Вообще расходы большие... Поаккуратнее, мама, с жирами. Боре пожирней, Пете пожирней...

Потом сыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражений.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила; потом вынимала из сундука спицы и вязала. Спицы двигались в бабкиных пальцах то быстро, то медленно — по ходу ее мыслей. Иногда совсем останавливались, падали на колени, и бабка качала головой:

— Так-то, голубчики мои! Не просто, не просто жить на свете!

* * *

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке пальто и шапку, швырял на стол сумку с книгами и кричал:

— Бабка, поесть!

Бабка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борь-

ка ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабу своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, товарищах. Бабка слушала его любовно, с большим вниманием, приговаривая:

— Все хорошо, Борюшка: и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает.

Иногда Борька жаловался на родителей:

— Обещал отец портфель. Все пятиклассники с портфелями ходят!

Бабка обещала поговорить с матерью и выговаривала Борьке портфель.

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку.

— Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабушка?

— Ела, ела, — кивала головой бабушка. — Не заботься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здрава.

Потом вдруг, глядя на Борьку выцветшими глазами, долго жевала она беззубым ртом какие-то слова. Щеки ее покрывались рябью, и голос понижался до шопота:

— Вырастешь, Борюшка, не бросай мать, заботься о матери. Старое — что малое. Встарину говорили: трудней всего три вещи в жизни — богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Борюшка, голубчик!

— Я мать не брошу. Это встарину, может, такие люди были, а я не такой!

— Вот и хорошо, Борюшка. Будешь поить-кормить да подавать с ласкою. А уж бабушка твоя на это с того света радоваться будет.

— Ладно. Только мертвой не приходи. — говорил Борька.

После обеда, если Борька оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

— Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка: кто живет, а кто мается на белом свете.

— Почитай! — ворчал Борька. — Сама не маленькая!

— Да что ж, коли не умею я.

Борька засовывал руки в карманы и становился похожим на отца.

— Ленишься? Сколько я тебя учил! Давай тетрадку.

Бабка доставала из сундука тетрадку, карандаш, очки.

— Да зачем тебе очки? Все равно ты буквы не знаешь.

— Все как-то явственней в них, Борюшка.

Начинался урок. Бабка старательно выводила буквы; *ш* и *т* не давались ей никак.

— Опять лишнюю палку приставила! — сердился Борька.

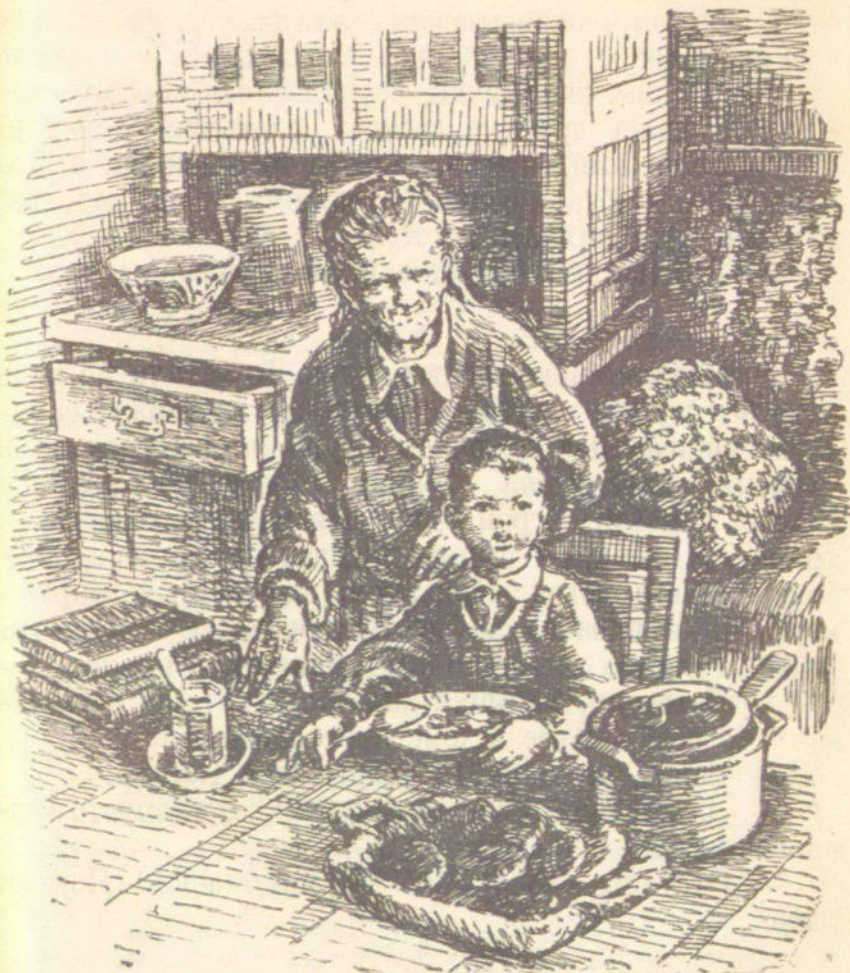
— Ох! — пугалась бабка. — Не сосчитаю никак.

— Хорошо, ты при советской власти живешь, а то в царское время знаешь как тебя драли бы за это? Мое почтение!

— Верно, верно, Борюшка. Бог — судья. солдат — свидетель. Жаловаться было некому.

Со двора доносился визг ребят.

— Давай пальто, бабка, скорей, некогда мне.

Бабка опять оставалась одна. Поправив на носу очки, она осторожно развertyвала газету, подходила к окну и долго, мучительно вглядывалась в черные строки. Буквы, как жучки, расползались перед глазами; натываясь друг на дружку, сбивались в кучу. Неожиданно выпрыгивала откуда-то знакомая трудная буква. Бабка поспешно зажимала ее толстым пальцем и торопилась к столу.

— Три палки... три палки... — радовалась она.

* * *

Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застревали в масленке, падали на бабкину голову. То являлся Боря с новой игрой — в «чечаночку». Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. При этом, охваченный азартом игры, он натывался на все окружающие предметы. А бабка бегала за ним и растерянно повторяла:

— Батюшки, батюшки! Да что же это за игра такая! Да ведь ты все в доме переколотишь!

— Бабка, не мешай! — задыхался Боря.

— Да ногами-то зачем, голубчик? Руками-то безопасней ведь.

— Отстань, бабка! Что ты понимаешь! Ногами надо.

* * *

Пришел к Боряке товарищ. Товарищ сказал:

— Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем.

— Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция.

Бабка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами:

— Обидеть — что ударить, приласкать — надо слова искать.

А в соседней комнате товарищ говорил Борьке:

— А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои и чужие. Она у нас главная.

— Как это главная? — заинтересовался Борька.

— Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать. А что же ты со своей-то как? Смотри, отец взгреет за это.

— Не взгреет! — нахмурился Борька. — Он сам с ней не здоровается.

Товарищ покачал головой.

— Чудно! Теперь старых все уважают. Советская власть знаешь как за них заступает! Вот у одних в нашем дворе старичку плохо жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

— Да мы свою бабку не обижаем, — покраснел Борька. — Она у нас... сыта и здрава.

Прощаясь с товарищем, Борька задержал его у дверей.

— Бабка, — нетерпеливо крикнул он, — иди сюда!

— Иду, иду! — заковыляла из кухни бабка.

— Вот, — сказал товарищу Борька, — попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабу:

— Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

— Наша бабука всех лучше, а живет хуже всех — никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

— Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня — мал еще!

И, разволновавшись, набрасывался на бабу:

— Вы, что ли, мамаша, ребенка учите? Если недовольны нами, могли сами сказать.

Бабука, мягко улыбаясь, качала головой:

— Не я учу — жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете.

* * *

Перед праздником возилась бабука до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое белье, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеривая носки, кряхтел от удовольствия.

— Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам!

Борька удивлялся:

— Когда это ты навязала, бабука? Ведь у тебя глаза старые — еще ослепнешь!

Бабука улыбалась морщинистым лицом.

Около носа у нее была большая бородавка. Борьку эта бородавка забавляла.

— Какой петух тебя клюнул? — смеялся он.

— Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо. Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

— Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? — спрашивал он.

Бабка задумывалась.

— По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

— Как же это? Маршрут, что ли?

— Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала — ложились на лицо морщины. Нужду терпела, билась — опять морщины. Мужа на войне убили — много слез было, много и морщин осталось. Большой дождь — и тот в земле ямки роет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли и он поревел в своей жизни — неужели все лицо такими нитками затянется?

— Иди ты, бабка! — ворчал он. — Наговоришь всегда глупостей.

* * *

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабка в чистую ситцевую кофту, белую с красными полосками, и чинно сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что «мамаша» занимает в доме почетное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабке доставалось за все: и за «почетное место» и за Борькины конфеты.

— Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подавать, — сердился Борькин отец.

— И если уж сидите, мамаша, сложа руки, то хоть за мальчишкой приглядели бы: ведь все конфеты потаскал! — добавляла мать.

— Да что же я с ним сделаю-то, милые мои, когда он при гостях вольным делается? Что спил, что съел, царь коленом не выдавит, — плакалась бабка.

В Борьке шевелилось раздражение против родителей, и он думал про себя: «Вот будете старыми, я вам покажу тогда!»

* * *

Была у бабки заветная шкатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой. И дочь и зять хорошо знали, что денег у бабки нет. Прятала в ней бабка какие-то вещицы «на смерть». Борьку одолевало любопытство.

— Что у тебя там, бабка?

— Вот помру — все ваше будет, — сердилась она. — Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

Раз Борька застал бабушку спящей в кресле. Он открыл сундук, взял шкатулку и заперся в своей комнате. Бабушка проснулась, увидела открытый сундук, охнула и припала к двери. Борька дразнился, гремя замками:

— Все равно открою...

Бабушка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Борька испугался, открыл дверь, бросил ей шкатулку и убежал.

— Все равно возьму у тебя, мне как раз такая нужна, — дразнился он потом.

* * *

За последнее время бабушка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая, ходила она тише и все присаживалась.

— В землю врастает, — шутил отец.

— Не смейся над старым человеком, — обижалась мать.

А бабушке в кухне говорила:

— Что это вы, мама, как черепаха по комнате двигаетесь? Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождетесь.

* * *

Умерла бабушка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязаньем в руках; лежал на коленях недоконченный носок, на полу — клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Но обедать Борька не стал. Он долго глядел на мертвую бабушку и вдруг опрометью бросился из

комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда осторожно открыл дверь, отец и мать были уже дома.

Бабка, наряженная, как для гостей — в белой кофте с красными полосками, лежала на столе. Мать плакала, а отец вполголоса утешал ее:

— Что же делать? Пожила — и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

* * *

В комнату набились соседи. Борька стоял у бабки в ногах и с любопытством рассматривал ее. Лицо у бабки было обыкновенное, только бородавка побелела, а морщин стало меньше.

Ночью Борьке было страшно, он боялся, что бабка слезет со стола и подойдет к его постели. «Хоть бы унесли ее скорее!» думал он.

На другой день бабушку схоронили. Когда шли на кладбище, Борька беспокоился, что уронят гроб, а когда заглянул в глубокую яму, то поспешно спрятался за спину отца.

Домой шли медленно. Провожали соседи. Борька забежал вперед, открыл свою дверь и на цыпочках прошел мимо бабкиного кресла. Тяжелый сундук, обитый железом, выпирал на середину комнаты, теплосеменное одеяло и подушка были сложены в углу.

Борька постоял у окна, поковырял пальцем прошлогоднюю замазку и открыл дверь в кухню. Под умывальником отец, засучив рукава, мыл калоши; во-

да затекала на подкладку, брызгала на стены. Мать гремела посудой. Борька вышел на лестницу, сел на перила и съехал вниз.

Вернувшись со двора, он застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Пахло залежавшимися вещами.

Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

— Мой еще, — сказала она и низко наклонилась над сундуком. — Мой...

На самом дне загремела шкатулка. Борька присел на корточки. Отец потрепал его по плечу:

— Ну что же, наследник, разбогатеет сейчас!

Борька искоса взглянул на него.

— Без ключей не открыть, — сказал он и отвернулся.

Ключей долго не могли найти: они были спрятаны в кармане бабкиной кофты. Когда отец встряхнул кофту и ключи со звоном упали на пол, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка — тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

— «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины каракули: «Внуку моему Борюшке».

В букве *ш* было четыре палочки.

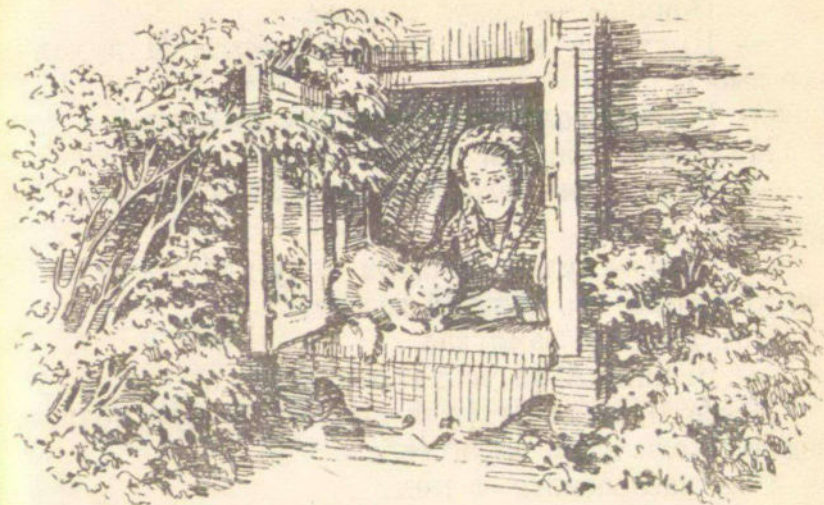
«Не научилась!» подумал Борька. И вдруг, как живая, встала перед ним бабка — тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабка!»

РЫЖИЙ КОТ

Под окном раздался короткий свист. Прыгая через три ступеньки, Сережа выскочил в темный сад.

— Левка, ты?

В кустах сирени что-то копошилось.

— Иди сюда! Живо! — позвал голос.

Сережа подбежал к товарищу.

— Чего? — спросил он шопотом.

Левка обеими руками прижимал к земле что-то большое, завернутое в пальто.

— Здоровый, как чорт! Не удержу никак!

Из-под пальто высунулся пушистый рыжий хвост.

— Поймал? — ахнул Сережа.

— Прямо за хвост! Он как заорет! Я думал — все выбегут.

— Голову, голову заверни ему получше!

Мальчики присели на корточки.

— А куда мы его денем? — беспокоился Сережа.

— Чего — куда? Отдадим кому-нибудь, и баста! Он красивый, его каждый возьмет.

Кот жалобно замыкал.

— Бежим! А то увидят нас с ним...

Левка прижал к груди сверток и, пригибаясь к земле, помчался к калитке.

Сережа бросился за ним.

На освещенной улице оба остановились.

— Давай привяжем тут где-нибудь — и все, — сказал Сережа.

— Нет. Тут близко. Она живо найдет. Постой!

Левка раскрыл пальто и освободил желтую усатую мордочку. Кот зафыркал и замотал головой.

— Тетенька! Возьмите кошечку! Мышей ловить будет...

Женщина с корзинкой окинула мальчиков беглым взглядом.

— Куда его! Своя кошка надоела досмерти!

— Ну и ладно! — грубо сказал Левка. — Вон старушка идет по той стороне, пойдем к ней!

— Бабушка, бабушка! — закричал Сережа. — Подождите!

Старушка остановилась.

— Возьмите у нас котика! Хорошенький, рыженький! Мышей ловит!

— Да где он у вас? Этот, что ли?

— Ну да! Нам девасть некуда... Папа с мамой держать не хотят... Возьмите себе, бабушка!

— Да куда ж я его возьму, голубчики мои! Он, небось, и жить не станет у меня... Кошка к дому своему привыкает...

— Ничего, станет, — уверяли мальчики, — он любит стареньких...

— Ишь ты, любит...

Старушка погладила мягкую шерстку. Кот выгнул спину, вцепился когтями в пальто и забился в руках.

— Ах ты, батюшки! Замучился он у вас! Ну давайте, что ли, авось приживется.

Старушка распахнула шаль.

— Иди сюда, миленький, не бойся...

Кот яростно отбивался.

— Уж не знаю, донесу ли?

— Донесете! — весело крикнули мальчики. — До свиданья, бабушка!

* * *

Мальчики присели на крыльце, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Из окон первого этажа на дорожку, усыпанную песком, и на кусты сирени падал желтый свет.

— Дома ищет. По всем углам, верно, шарит, — толкнул товарища Левка.

Скрипнула дверь.

— Кис, кис, кис! — донеслось откуда-то из коридора.

Сережа фыркнул и зажал ладонью рот. Левка уткнулся ему в плечо.

— Мурлышка! Мурлышка!

Нижняя жиличка в стареньком платке с длинной бахромой, прихрамывая на одну ногу, показалась на дорожке.

— Мурлышка, противный этакий! Мурлышка!

Она обвела глазами сад, раздвинула кусты.

— Кис, кис!

Хлопнула калитка. Под ногами закрипел песок.

— Добрый вечер, Марья Павловна! Любимца ищете?

— Твой отец, — шепнул Левка и быстро шмыгнул в кусты.

«Папа!» хотел крикнуть Сережа, но до него долетел взволнованный голос Марьи Павловны:

— Нет и нет. Как в воду канул! Он всегда вовремя приходил. Попарапает лапочкой окно и жлет, пока я открою ему. Может, только в сарай забился, там дырка есть...

— Давайте посмотрим, — предложил Сережин папа. — Сейчас мы вашего беглеца обнаружим!

Сережа пожал плечами.

— Чудак папа. Очень нужно чужого кота ночью разыскивать!

Во дворе, около сараев, забегал круглый глазок электрического фонарика.

— Мурлышка, иди домой, кисанька!

— Ищи ветра в поле! — хихикнул из кустов Левка. — Вот потеха! Твоего отца искать заставила!

— Ну и пусть поищет! — рассердился вдруг Сережа. — Пойду спать.

— И я пойду, — сказал Левка.

* * *

Когда Сережа и Левка еще ходили в детский сад, в нижнюю квартиру приехали жильцы — мать и сын. Под окном повесили гамак. Каждое утро мать, низенькая, прихрамывающая старушка, выносила подушку и одеяло, стелила одеяло в гамаке, и тогда из дому, сгорбившись, выходил сын. На бледном молодом лице лежали ранние морщинки, из широких рукавов висели длинные, худые руки, а на плече сидел рыжий котенок. У котенка были три черточки на лбу, они придавали его кошачьей физиономии смешное озабоченное выражение. А когда он играл, правое ушко у него выворачивалось наизнанку. Больной тихо, отрывисто смеялся. Котенок забирался к нему на подушку и, свернувшись клубком, засыпал. Больной опускал тонкие, прозрачные веки. Мать неслышно двигалась, приготовляя ему лекарство. Соседи говорили:

— Как жаль! Такой молодой!

Осенью гамак опустел. Желтые листья кружились над ним, застревали в сетке, шуршали на дорожках. Марья Павловна, сгорбившись и тяжело волоча больную ногу, шла за гробом сына... В пустой комнате кричал рыжий котенок...

С тех пор Сережа и Левка подросли. Часто, забросив домой сумку с книгами, Левка появлялся на заборе. Кусты сирени закрывали его от окна Марьи Павловны. Засунув два пальца в рот, коротким свистом он вызывал Сережу. Старушка не мешала мальчикам играть в этом уголке сада. Они барахтались в траве, как два медвежонка. Она смотрела на них из окошка и перед дождем прятала брошенные на песке игрушки.

Как-то летом Левка, примостившись на заборе, помахал рукой Сереже.

— Смотри-ка... рогатка у меня. Сам сделал! Бьет без промаха!

Рогатку испробовали. Мелкие камешки запрыгали по железной крыше, прошумели в кустах, ударились о карниз. Рыжий кот сорвался с дерева и с шипеньем прыгнул в окошко. Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спине. Мальчики захохотали. Марья Павловна выглянула из окна.

— Это нехорошая игра — вы можете попасть в Мурлышку.

— Так что же, из-за вашего кота нам и поиграть нельзя? — дерзко спросил Левка.

Марья Павловна пристально посмотрела на него, взяла Мурлышку на руки, покачала головой и закрыла окно.

— Ишь, недотрога какая! Ловко я ее отбил, — сказал Левка.

— Она, небось, обиделась, — отозвался Сережа.

— Ну и наплевать! Мне в водосточную трубу попасть хочется.

Левка прищурился. Камешек исчез в густой листве.

— Мимо! На, ты попробуй, — сказал он Сереже. — Прищурь один глаз.

Сережа выбрал камешек покрупнее и натянул резинку. Из окна Марьи Павловны со звоном посыпались стекла. Мальчики замерли. Сережа испуганно оглядывался по сторонам.

— Бежим! — шепнул Левка. — А то на нас скажут!

Утром пришел стекольщик и вставил новое стекло. А через несколько дней Марья Павловна подошла к ребятам.

— Кто из вас разбил стекло?

Сережа покраснел.

— Никто! — выскочил вперед Левка. — Само лопнуло!

— Неправда! Разбил Сережа. И ничего не сказал своему папе... А я ждала...

— Нашли дураков! — фыркнул Левка.

— Чего это я сам на себя пойду говорить? — пробурчал Сережа.

— Надо пойти и сказать правду, — серьезно сказала Марья Павловна. — Разве ты трус?

— Я не трус, — вспыхнул Сережа. — Вы не имеете права так меня называть!

— А почему же ты не сказал? — пристально глядя на Сережу, спросила Марья Павловна.

— Отчего, да почему, да по какому случаю... — запел Левка. — Неохота разговаривать! Пошли, Сережка!

Марья Павловна посмотрела им вслед.

— Один трус, а другой грубиян, — сказала она с сожалением.

— Ну и ябедничайте! — крикнули ей ребята. Настали неприятные дни.

— Старуха обязательно пожалуется, — говорил Левка.

Мальчики поминутно вызывали друг друга и, прижав губы к круглой дырке в заборе, справлялись:

— Ну как? Влетело тебе?

— Нет еще... А тебе?

— И мне нет!

— Вот злющая какая! Она нарочно нас мучает, чтоб мы боялись больше. А если б про нее рассказать, как она нас обругала! Попало б ей на орехи! — шептал Левка.

— И чего она прицепилась за какое-то несчастное стекло? — возмущался Сережа.

— Вот подожди... я ей устрою штуку! Будет она знать...

Левка показал на мирно спящего за окном Мурлышку и зашептал что-то на ухо товарищу.

— Да, хорошо бы, — сказал Сережа.

Но кот дичился чужих людей и ни к кому не шел. Поэтому, когда Левке удалось его поймать, Сережа проникся уважением к товарищу.

«Вот ловкач!» подумал он про себя.

Укрывшись с головой одеялом и освободив одно ухо, Сережа прислушивался к разговору родителей. Мать долго не ложилась спать, открывала окно, и когда со двора доносился голос Марьи Павловны, она разводила руками и спрашивала отца:

— Как ты думаешь, Митя, куда он мог деться?

— Ну что я могу думать! — усмехнулся отец. — Пошел кот погулять — вот и все. А может, украл кто-нибудь, есть такие подлецы...

Сережа похолодел: вдруг соседи видели их с Левкой?

— Не может быть, — решительно сказала мать, — на этой улице все знают Марью Павловну. Никто так не обидит старую больную женщину...

— А ты вот что, — зевая, сказал отец: — если утром кот не найдется, отряди Сережу хорошенько поискать по соседним дворам, ребята скорее найдут.

«Как бы не так», подумал Сережа.

Утром, когда Сережа пил чай, в кухне послышались громкие голоса. Жильцы обсуждали пропажу кота. Сквозь шум примусов слышно было, как соседка Эсфирь Яковлевна бегала из кухни в комнату и кричала своему мужу:

— Миша, почему ты не интересуешься чужим несчастьем? Я спрашиваю, где найти этого кота?

Старичок профессор, заложив за спину коротенькие пухлые руки, взволнованно шагал по кухне.

— Пренеприятное событие... Невозможно оставаться равнодушным...

Сережа отхлебнул холодный чай и отодвинул чашку. «Все орут... и чего орут, сами не знают. Велика важность — кот! Если б еще служебная собака пропала...»

Из соседней комнаты вышла мать.

— Эсфирь Яковлевна! Вы не волнуйтесь, я сейчас отправлю Сережу на поиски.

— Ох, умоляю вас... ведь этот Мурлышка — чтоб он сгорел! — вся ее жизнь.

Сережа схватил тубетейку и незаметно проскользнул мимо женщин.

«Вот тарарам подняли! Знал бы — не связывался, — с досадой подумал он. — А старуха тоже хороша! Расплакалась на весь двор!»

Его потянуло посмотреть на Марию Павловну.

Засунув руки в карманы и небрежно покачиваясь, он пошел по саду. Из-за забора выглянул Левка. Сережа подошел ближе.

— Слезай, — сказал он хмуро. — Наделал, дурак, шуму на весь двор.

— А что? Ищет она? — с заблестевшими глазами спросил Левка.

— Ищет... Всю ночь проплакала...

— Врешь! — усомнился Левка и сейчас же добавил: — А может, и правда... Ведь она знаешь как любила его...

— Я говорил, привязать за лапу только, а ты совсем отдал, дурак этакий!

— Эх ты! Испугался! — прищурился Левка. — А я вот ни чуточки!

— Идет, — тревожно шепнул Сережа.

Марья Павловна прыгающей, неровной походкой шла по дорожке. Седые волосы, связанные узлом на затылке, растрепались, и одна прядь рассыпалась по смятому воротничку. Она подошла к мальчикам.

— У меня Мурлышка пропал... Не видели ли вы его, ребятки? — Голос у нее был тихий, глаза серые, пустые.

— Нет, — глядя в сторону, сказал Сережа.

— Мы не видели, — поспешно добавил Левка.

Марья Павловна вздохнула, провела рукой по лбу и медленно пошла домой. Левка скорчил гримасу.

— Подлизывается... А вредная все-таки, — он покрутил головой, — такими словами ругается! «Грубиян!» — это хуже не знай чего! А теперь подлизывается: «Мальчики, не видели моего котика?» — тоненько протянул он.

Сережа засмеялся.

— И правда, сама виновата... Думает, если мы дети, так мы и постоять за себя не сумеем!

— Фи! — свистнул Левка. — Плакса какая! Подумаешь — рыжий кот пропал!

— Да он, говорят, у нее еще при сыне был. Так она его на память держала.

— На память? — удивился Левка и, вдруг хлопнув себя по коленке, захлебнулся от смеха. — Рыжего кота на память!

Мимо прошел старик профессор. Подойдя к рас-

крытому окошку Марьи Павловны, он постучал указательным пальцем в стекло и, положив локти на подоконник, заглянул внутрь комнаты.

— Ну как, Марья Павловна? Не нашелся еще? Мальчики прислушались.

— А этот-то чего лезет? — удивился Левка.

— Жалеет ее, — шепнул Сережа. — Всем жалко почему-то... Обругала бы их, как нас, не стали бы жалеть! Пойдем послушаем, может она на нас наговаривать ему будет.

Они подошли близко и спрятались за кустами.

Марья Павловна говорила:

— Долго он Колю забыть не мог... И на кладбище со мной ходил... Было что-то теплое, живое... Колино...

Окошко звякнуло. Мальчики испуганно посмотрели друг на друга. Старик профессор заволновался:

— Марья Павловна! Голубушка! Что вы? Что вы? Выручим мы вашего Мурлышку. Вот я тут придумал кое-что. — Он дрожащими пальцами поправил пенсне и полез в боковой карман. — Вот тут объявление я написал, хочу попросить ребяток расклеить где-нибудь на столбах. Только успокойтесь, пожалейте себя!

Он оторвался от окна и зашагал к дому.

— Ребята! Ребятки!

— Иди! — вдруг струсил Левка.

— Сам иди! — огрызнулся Сережа.

Старик подошел к ним.

— А ну-ка, молодые люди! К вам порученье

имеется. Не откажите старику, сбегайте повесьте объявления. Где-нибудь на людных местах. А? Живенько! — Он кивнул на окошко. — Жалко старушку, надо помочь ей как-нибудь... А?

— Мы... пожалуйста, — промямлил Сережа.

Левка протянул руку.

— Давайте! Мы сейчас... быстро. Айда, Сережка!

— Ну-ну, вот и молодцы!

Мальчики выскочили на улицу.

— Прочти-ка, чего тут? — сказал Сережа.

Левка развернул листок.

— Пятьдесят рублей! Ого! Сколько денег-то! За какого-то рыжего кота! Спятил он, что ли?

Сережа пожал плечами.

— Все спятили, — хмуро сказал он. — Может, все жильцы дадут. Мой отец дал бы тоже. На кнопки, держи.

— А где повесим? На людных местах надо.

— Пошли к кооперативу. Там всегда народ толчется.

Мальчики побежали.

— А другую бумажку на вокзале повесим — там тоже много людей, — запыхавшись, сказал Сережа.

Но Левка вдруг остановился.

— Тпру, Сережка, стой! Ведь мы же влипнем с этой штукой, как мухи в мед, влипнем! Ну и дураки! Вот дураки!

Сережа схватил его за руку.

— Бабушка принесет, да? И скажет про нас, да?

Левка, что-то соображая, яростно грыз ногти.

— Как же теперь быть? — заглядывая ему в лицо, спросил Сережа.

— Порвем, — топнул ногой Левка, — и в землю закопаем!

— Не надо, — сморщился Сережа, — все спрашивать будут... Опять врать придется...

— Ну и что — врать? В одно будем говорить!

— А может, бабушка принесла бы кота, и делу конец? Может, не рассказала бы про нас?

— «Может, может»! — передразнил Левка. — Понадейся на старуху, а она как раз подведет, разболтает по всему двору.

— Верно, — вздохнул Сережа. — Никак нельзя! Папа сказал: «Подлецы украли какие-то»...

— Здорово живешь, еще подлецами сделают! Пошли за угол, порвем и зароем под скамейкой.

Мальчики завернули за угол и сели на скамейку. Сережа взял бумажки и, комкая их в руках, сказал:

— А она-то опять ждать будет... Пожалуй, и спать не ляжет сегодня...

— Ясно — не ляжет... А отчего у ней сын-то умер?

— Не знаю... Болел долго... А еще раньше муж умер. Сдин кот остался, а теперь и кота нет... Обидно ей все-таки!

— Ну ладно! — решительно сказал Левка. — Не пропадать же нам из-за этого! Давай рви!

— Сам рви! Почему я должен? Хитер тоже!

— Давай по-честному: ты одну и я одну! Давай! Вот!

Левка разорвал объявление на мелкие кусочки. Сережа сложил бумажку и медленно разорвал ее пополам. Потом схватил щепку и выкопал ямку.

— Клади! Засыпай покрепче!

Оба облегченно вздохнули.

— Не ругала бы нас такими словами, — беззлобно сказал Левка.

— А про стекло она все-таки никому не сказала, — напомнил ему Сережа.

— Ну и ладно! Надоело мне с этим возиться! Я лучше завтра в школу пойду. Там наши ребята в футбол играют. А то все каникулы зря пройдут.

— Не пройдут... Скоро в лагерь поедem. Там хоть месяц без неприятностей поживем...

Левка нахмурился.

— Пошли домой, что ли?

— А что скажем?

— Повесили — вот и все! Одно слово соврать только: «Повесили».

— Ну пойдем!

Старичок все еще стоял у окошка Марьи Павловны.

— Ну как, ребятки? — закричал он.

— Повесили! — неожиданно крикнули оба.

* * *

Прошло несколько дней. О Мурлышке не было ни слуху ни духу. В комнате Марьи Павловны было тихо. В сад она не выходила. То одни, то другие жильцы навещали старушку.

Каждый день Эсфирь Яковлевна посылала мужа:

— Миша, иди немедленно и снеси бедной женщине варенья. Делай вид, что ничего не случилось, и не поднимай вопроса о домашних животных.

— Сколько горя на одного человека навалилось! — вздыхала мать Сережи.

— Да, — хмурил брови отец, — все-таки непостижимо, куда это Мурлышка делся? И на объявление никто не явился. Надо думать, собаки загнали куда-нибудь беднягу.

По утрам Сережа поднимался в мрачном настроении, пил чай и бежал к Левке. Левка тоже стал невеселый.

— Не пойду я на твой двор, — говорил он, — давай здесь играть!

Как-то вечером, сидя на заборе, они увидели, как в окошке Марьи Павловны тихонько поднялась штора. Старушка зажгла маленькую лампочку и поставила ее на подоконник. Потом, сгорбившись, подошла к столу, налила в блюдечко молока и поставила его рядом с лампочкой.

— Ждет... Думает, он увидит свет и прибежит... Левка вздохнул.

— Все равно не придет он. Заперли его где-нибудь. Я бы мог ей овчарку достать, мне обещал один мальчик. Только я себе хотел ее взять. Хорошая собака...

— А знаешь чего? — вдруг оживился Сережа. — Тут у одной тетеньки много котят родилось, пойдем завтра попросим одного. Может, как раз рыженький

попадется. Отнесем ей, она обрадуется и забудет своего Мурлышку.

— Пойдем сейчас! — соскочил с забора Левка.

— Да сейчас поздно...

— Ничего... Скажем — обязательно, обязательно надо скорее!

— Сережа, — крикнула мать, — спать пора!

— Придется завтра, — разочарованно сказал Левка. — Только с утра. Я тебя ждать буду.

* * *

Утром мальчики вскочили рано. Чужая тетенька, у которой кошка родила шестерых котят, встретила их приветливо.

— Выбирайте, выбирайте, — говорила она, вытаскивая из корзинки пушистые комочки.

Комната наполнилась писком. Котята едва умели ползать, лапы у них разъезжались, мутные круглые глазки удивленно смотрели на мальчиков.

Левка с восторгом схватил желтенького котенка.

— Рыжий! Почти что рыжий! Сережа, смотри!

— Тетя, можно этого взять? — спросил Сережа.

— Да берите, берите! Хоть всех берите, куда их девать?

Левка сорвал с головы картуз, посадил в него котенка и выбежал на улицу. Сережа, подпрыгивая, торопился за ним.

У крыльца Марьи Павловны оба остановились.

— Иди первый, — сказал Левка. — Она с вашего двора...

— Вместе лучше...

Они на цыпочках прошли по коридору. Котенок пищал и барахтался в картузе. Левка тихонько постучал.

— Войдите, — отозвалась старушка.

Ребята боком протиснулись в дверь. Марья Павловна сидела перед раскрытым ящиком стола. Она удивленно подняла брови и вдруг заволновалась.

— Что это пищит у вас?

— Это мы, Марья Павловна... Вот рыжего котеночка вам... Чтобы вместо Мурлышки был...

Левка положил картуз на колени старушки. Из картуза выглянула большеглазая мордочка и желтый хвостик...

Марья Павловна нагнула голову, и в картуз быстро-быстро закапали слезы. Мальчики попяtilись к двери.

— Подождите... Спасибо вам, голубчики, спасибо. — Она вытерла глаза, погладила котенка и покачала головой. — Всем мы с Мурлышкой хлопот наделали. Только напрасно вы беспокоились, ребятки... Отнесите котеночка назад... Я уж так не привыкну к нему...

Левка, держась за спинку кровати, прирос к полу. Сережа морщился, как от зубной боли.

— Ну, ничего, — сказала Марья Павловна. — Что же делать? Вот у меня карточка на память...

Она показала на маленький столик около кровати. Из деревянной рамки глянули на мальчиков большие печальные глаза, улыбающееся лицо и ря-

дом удивленная усатая мордочка Мурлышки. Длинные пальцы большого тонули в пушистой шерстке.

— Любил он Мурлышку... Сам кормил. Бывало развеселится и скажет: «Мурлышка никогда нас не бросит, он все понимает...»

Левка присел на краешек постели, уши у него горели, от них было жарко всей голове, и на лбу выступил пот...

Сережа мельком взглянул на него: обоим вспомнилось, как царапался и отбивался пойманный кот.

— Мы уж пойдем, — тихо сказал Левка.

— Мы пойдем, — вздохнул Сережа, пряча в картуз котенка.

— Идите, идите... отнесите котеночка, хорошие мои...

* * *

— Вот, — сказал Левка, перепрыгнув через забор и с размаху хлопнувшись на землю, — буду здесь сидеть всю жизнь!

— Ну? — недоверчиво протянул Сережа, присаживаясь перед ним на корточки. — Так не просидишь!

— Хоть бы в лагерь скорее ехать! — с отчаянием сказал Левка. — А то распускаешься только на каникулах, и всякие неприятности получаются. Встанешь утром — все ничего, а потом — бац! — и налетаешь чего-нибудь! Я, Сережа, средство изобрел, чтобы не ругаться, например...

— Как это? Соли на язык посыпать, да?

— Нет. Зачем соли? Просто, как рассердишься очень, сразу отвернись от того человека, зажмурь глаза и считай: раз, два, три, четыре... пока злость не пройдет. Я уже так пробовал, мне помогает!

— А мне ничего не помогает, — махнул рукой Сережа. — Ко мне очень одно слово прицепляется.

— Какое? — заинтересовался Левка.

— «Дура» — вот какое! — шепнул Сережа.

— Отучайся, — строго сказал Левка и, растянувшись на спине, вздохнул. — Если б этого кота достать, тогда бы все хорошо было...

— Я тебе говорил, за лапу привязать...

— Дурак! Попугай несчастный! — вскипел Левка. — Ты мне только повтори это еще раз, я тебе таких пилюлей навешаю! За лапу, за лапу, за хвост! Искать надо, вот что! Балда дурацкая!

— Считай, — уныло сказал Сережа, — считай, а то опять ругаешься! Эх ты, изобретатель!

* * *

— Вот так мы шли, а так она шла. — Левка показал рукой на другую сторону улицы.

Сережа, прислонясь к забору, грыз зеленую веточку сирени.

— Старухи все похожи, — сказал он, — все морщинистые и сгорбленные.

— Ну нет, есть такие прямые, длинные, как палки, тех легко узнать. Только наша низенькая была...

— В платке, что ли? — спросил Левка.

— Да, да, в платке. Эх, какая старуха! — с го-

речью сказал Сережа. — Сразу взяла и утащила. Даже ничего не спросила толком: чей кот? Может быть, нужен очень.

— Ну ладно, — нахмурился Левка. — Найдем как-нибудь. Может, она близко живет. Старухи далеко не ходят...

— Километра два, а то и три любая старуха теперь может отмахать. Да еще в какую сторону...

— А хоть во все четыре стороны! Мы всюду пойдем! Сегодня в одну, завтра — в другую. И в каждый двор будем заглядывать!

— Так все лето и проходишь! Хорошо, если до лагеря, а то и поплавать не успеешь...

— Эх ты, пловец! Спустил чужого кота чортовой бабушке и искать не хочет! — озлился Левка. — Пойдем лучше. Три километра напрямки!

Сережа выплюнул изо рта ветку и зашагал рядом с товарищем.

— Хоть бы раз в жизни повезло!

* * *

Но мальчикам не везло. Наоборот, дела пошли еще хуже.

— Где ты шатаешься, Сережа? Избегался, почернел... С утра до вечера пропадаешь! — сердилась мать.

— Да чего мне дома делать-то?

— Ну, в школу бы сходил. Там ребята на качелях качаются, в футбол играют...

— Ну да, в футбол! Очень интересно... Подобьют

ногу, останусь хромым на всю жизнь, сама тогда бранить будешь. А то еще с качелей упаду.

— Скажите, пожалуйста! — разводила руками мать. — Да с каких это пор ты таким тихоней сделался? То все приставал: купи футбольный мяч, пока нам с отцом не давал, а теперь... Смотри у меня, я твои штуки разгадаю...

Левке тоже влетало от отца.

— Что ты, говорит, как петух на заборе, торчишь? Займись, говорит, чем-нибудь наконец, — жаловался Левка Сереже.

Многие улицы были исхожены за это время. В одном дворе на крыше показался рыжий кот. Ребята опрометью бросились за ним.

— Держи! Держи! Заходи вперед! — кричал Левка, задрав вверх голову.

Кот вскочил на дерево. Обдирая коленки, Левка полез за ним. Но Сережа, стоя внизу, разочарованно крикнул:

— Слезай! Не тот: грудка белая и лицо не такое.

А из дома выскочила толстая тетка с ведром.

— Опять голуби! — закричала она. — Вот я вас отучу от своего двора! Марш отсюда!

Она взмахнула ведром и окатила Сережу холодной водой. На спине и на трусиках осела картофельная шелуха. Мальчики, как ошпаренные, выскочили за ворота. Сережа стиснул зубы и схватил камень.

— Считай! — тревожно крикнул Левка. — Считай скорей!

— Раз, два, три, четыре... — начал Сережа, бросил камень и расплакался. — Дура, дура, дура! Как ни считай, все дура!

Левка молча выжимал на нем трусики, отряхивая с них приставшую шелуху.

* * *

Ночью шел дождь. Шлепая босыми ногами по теплым лужам, Левка поджидал Сережу. Из раскрытых окон верхней квартиры доносились громкие голоса взрослых.

«Нас ругают, — испугался Левка. — Обоих или одного Сережу к стенке приперли? Только за что? (За эти дни как будто ничего плохого они не сделали.) Сделали — не сделали, а взрослые, если захотят, всегда найдут, к чему придаться».

Левка спрятался в кусты и прислушался.

— В конце концов я этого совсем не одобряю — получить себе чахотку из-за несчастного кота! — раздраженно кричала Эсфирь Яковлевна. — Она же маковой росинки в рот не берет...

— Бесполезное животное, в общем... — начал профессор.

Левка презрительно улыбнулся.

«Хорошо им разговаривать, а ей, бедной, даже и кушать не хочется, — с жалостью подумал он о Марье Павловне. — Если б у меня была овчарка, я бы ее любил, воспитывал, и вдруг бы она пропала! Ясно — обедать не стал бы... Квас какой-нибудь выпил, и все!»

— Ты чего стоишь? — толкнул его Сережа. —
Пойдем скорей, пока мать занята.

— Пойдем, — обрадовался Левка, — а то скоро в лагерь!

Решено было сходить на рынок.

— Там старух видимо-невидимо! — клялся Левка. — Кто за молоком, кто за чем! Соберутся в кучку около возов — сразу всех видно. Может, и наша там!

— Я уже теперь ее помню, она мне снилась, — говорил Сережа: — низенькая, сморщенная. Только бы увидеть такую!

День был праздничный. На рынке беспорядочно толкался народ. Сережа и Левка, поддергивая трусики, озабоченно заглядывали под каждый платок. Завидев подходящую старушку, они мчались ей наперерез, сбивая с ног домашних хозяек.

— Бесстыдники! Хулиганы! — кричали им вслед.

В самой гуще людей мальчики заметили школьного преподавателя. Они спрятались от него за ларек, дождались, пока он скрылся, и снова забегали по рынку. Старух — высоких, низеньких, толстых и худых — было много.

— Но где же наша? — сердился Левка. — Хоть бы мяса пришла купить себе! Неужели она обед не варит?

Солнце начинало сильно припекать. Волосы прилипли ко лбу.

— Напьемся квасу, — предложил Левка.

Сережа вытащил из кармана двадцать копеек.

— Кружку на двоих! — заказал он.

— Хоть и на троих, — лениво буркнул торговец, вытирая платком красное лицо.

— Пей, — сказал Сережа, отметив пальцем середину кружки. — Пей до сих пор.

Левка, закрыв глаза, медленно потянул холодную жидкость.

— Пенки оставь, — забеспокоился Сережа.

Низенькая старушка в черном платке подошла к ним сбоку и с любопытством оглядела обоих.

— Не то я опозналась, ребятки, не то нет, — громко сказала она.

Сережа оторопело глянул на нее и с размаху толкнул товарища:

— Смотри!

У Левки цокнули зубы и на шею плеснул квас.

— Эх! — рявкнул он, растопырив руки. — Сережка! Она! Она!

— Бабушка, это вы? — задыхаясь, спросил Сережа.

— Ну да, ну да, — закивала головой старушка.

Левка подпрыгнул и, размахивая кружкой, заорал во все горло:

— Старушечка! Миленькая!

Продавец, перегнувшись через прилавок, дернул его за трусики.

— Кружку верните, гражданин!

Левка, не глядя, сунул ему пустую кружку.

Сережа почесал затылок и облизнул сухие губы.

— Бабушка, бежим к вам домой! Сколько кило-

метров? Четыре, пять? — подхватывая старушку помруку, захлебывался Левка.

— Стой, стой! Батюшки мои, очумел ты, что ли? — отбивалась она.

— Пойдем, пойдем, бабунечка! — Левка на ходу чмокнул старушку в сухую щеку.

— Ишь, как бабушку свою любят ребята, — расплылась в улыбку молочница. — Поглядеть любо!

— Затормошили совсем, — покачал головой какой-то старик.

— Напрямик? — орал Левка, расталкивая прохожих. — Жарь, бабушка!

— Голубчики, голубчики, весь народ повалили кругом себя... Лешие этакие! — сердилась старушка.

У ворот рынка она уперлась ногами в землю и тоненько закричала:

— Да чего вам от меня надобно-то?

— Котика рыжего, бабушка, — помните, мы отдали вам вечером, на улице...

— Сестренка плачет по нем, исхудала, как спичка, — затынул Левка.

— Ишь ты... Назад, значит, взять хотите?

— Назад! Сейчас же назад!

— Вот, вот... Ну так бы и сказали, а то разорвали было на части...

— Да жив ли он еще? — испуганно спросил Сережа.

Старушка вынула сложенный вчетверо платочек, обтерла лицо и не спеша засемила по тротуару.

— Жив или нет? — простонал Левка.

— А с чего ему помирать-то? Толстый такой ко-тище... И то правда, забирайте вы его лучше — бес-толковый, страсть! Только и лазит по всей квартире, по всем углам нюхает...

— Пускай нюхает! Бежим, бабушка!

Старушка высвободила руку из Левкиных паль-цев.

— Убери клещи-то... Такой и кот твой на-доедливый, как ты... Утром орет и ночью встанет — орет. Совсем не нравится он мне. Уж я его дочке от-дала.

— Как дочке? Какой еще дочке? Раз, два, три, четыре...

— Насовсем? — ахнул Сережа.

— Зачем насовсем — на подержание.

— Да где она живет хоть?

— Дочка-то? В Москве. Где же ей жить, там у ней и муж и детки...

— Адрес давайте, — сказал Левка, сжимая зубы.

— Какой адрес? Одна-то я не езжу туда... Город шумный... Покойник зять бывало и на метре прока-тит...

Сережа махнул рукой.

— Пропап Мурлышка!

— Ну нет! — закипел Левка. — Я и в Москву поеду и с покойником на метро прокачусь. Как щен-ка высохну, а достану этого кота!

— Да чего его доставать-то? — вдруг сказала старушка. — Привезла его вчерась дочка. Вот до-мик-то мой. Заходите, гостями будете!

Она круто свернула к маленькому крылечку, зазвенела ключами и погрозила пальцем в окно:

— Сиди, сиди, рыжий! Чего выставился? Стекло продавишь, настойчивый какой...

Левка прыгнул в палисадник, уцепился обеими руками за раму и прижался носом к окну.

— Мурлышка! Усатенький...

— Ухо, ухо, смотри! — взвизгивал Сережа.

Через минуту Левка торжественно шагал по улице. Рыжий кот острыми когтями царапал ему шею. Сережа, весело подпрыгивая, говорил:

— Отделает он тебя здорово! Да ладно, терпи уж!

— Только б не упустить теперь, — пыхтел Левка.

* * *

Марья Павловна сняла с подоконника блюдце, вылила из него посиневшее молоко и, стоя посреди комнаты, прислушалась. Дверь широко распахнулась.

— Вот! — крикнул Левка, разжимая руки.

Рыжий пушистый ком сорвался с его груди и, взметнув хвостом, прыгнул на руки своей хозяйке. Блюдце с радостным звоном скользнуло на пол.

— Роднушка моя... Да как же это...

Сережа шлепнул Левку по спине. Оба выкатились за дверь и с визгом упали в траву. В мальчишеской радости они тузили друг друга под бока.

— Нашелся-таки... Нашелся! Усатый, полосатый!

На зеленой аллее рассыпалась барабанная дробь. В белых панамках, с рюкзаками за спиной, весело шагали пионеры. По боковым дорожкам, растроганные и умиленные, торопились за ними родители. Левка выбился из строя, подпрыгнул и замахал рукой Сереже.

— Смотри, кто стоит!

У зеленой калитки, заслонив от солнца глаза сухоной ладонью, Марья Павловна искала кого-то в строю. Большой рыжий кот, вывернув наизнанку одно ухо, сидел на заборе.

— Марья Павловна! До свиданья!

Левка горячей щекой прижался к забору.

— Мурлышечка, до свиданья!

Сережа погладил кончик пушистого хвоста.

СОДЕРЖАНИЕ

Отцовская куртка	3
Бабка	50
Рыжий кот	65

Для младшего возраста

Ответств. редактор *Е. Костромина*. Худож. редактор
Б. Дехтерев. Технич. редактор *М. Голубева*. Подпи-
сано к печати 19/1 1946 г. 3 печ. л. (3.35 уч.-изд. л.).
46 000 зн. в печ. л. Тираж 45 000 экз. А00519.
Заказ № 1036. Цена 2 р. 30 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суцеский вал, 49.

15.

Цена 2 р. 30 к.

